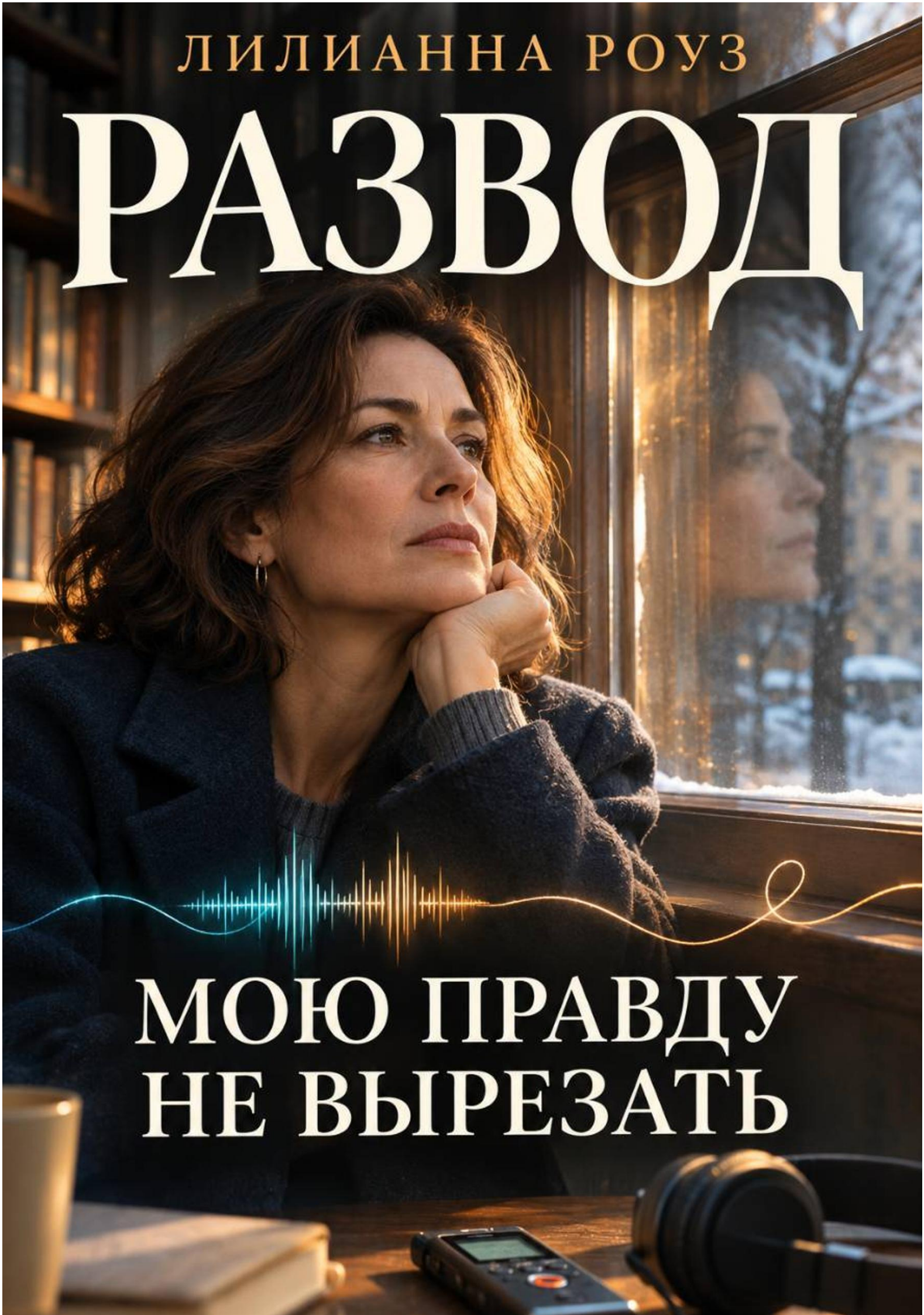
ЛИЛИАННА РОУЗ

РАЗВОД

МОЮ ПРАВДУ НЕ ВЫРЕЗАТЬ

Лилианна Роуз

Развод. Мою правду не вырезать

«Автор»
2026

Роуз Л.

Развод. Мою правду не вырезать / Л. Роуз — «Автор», 2026

В сорок восемь я развелась и взялась за библиотечный проект: записывать семейные истории людей, которые обычно не считают себя интересными собеседниками. Для пробы позвала дочь. Мы по-разному помнили утро, когда я съехала от ее отца, и я пообещала, что наш разговор останется между нами.Но ее голос так хорошо лег в мое вступление, что я оставила одну фразу. Перед самым показом дочь услышала ее и попросила убрать весь разговор, даже мой пересказ. За этот вечер мне должны заплатить столько, сколько не хватает на залог за квартиру с солнечным окном.Владлен умеет вырезать из записи и неловкую паузу, и лишнее слово. Рядом с ним я снова жду свиданий и смеюсь над тем, над чем раньше только пожала бы плечами. Но решить, что я еще могу рассказать от своего имени, придется мне самой.

© Роуз Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стол у окна 5
Глава 2. Пятнадцать минут 8
Глава 3. Две заявки на стирку 10
Глава 4. Утренний ключ 13
Глава 5. Четвертый винт 15
Глава 6. Одна строка в расписании 17
Глава 7. Книги до пола 20
Глава 8. Тридцать шесть клеток 21
Глава 9. Первый слушатель 23
Глава 10. До следующего автобуса 25
Глава 11. Половина свободного часа 27
Глава 12. Служебная пауза 30
Глава 13. Две отметки 31
Глава 14. Час не обменивали 33
Глава 15. Голос не похож на мой 34
Глава 16. Не третья пара рук 36
Глава 17. Чужая очередь 37
Глава 18. Не по телефону 39
Глава 19. Штора остается у окна 41
Глава 20. Два свободных ряда 44
Глава 21. За два часа 45
Глава 22. Иголка в конверте 46
Глава 23. Девять минут 48
Глава 24. Снятая скрепка 51
Глава 25. Выдача в четверг 53
Глава 26. Чужая запятая 55
Глава 27. Свой кусок войлока 57
Глава 28. Смета на одну дверь 58
Глава 29. Два места в первом ряду 61
Глава 30. На смену осталось два часа 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Лилианна Роуз
Развод. Мою правду не вырезать

Глава 1. Стол у окна

Стол мне отдавали бесплатно, если до пяти я уберу его из служебного прохода. В четыре сорок я стояла перед двумя дверями с рулеткой в зубах. До этого я честно думала, что в сорок восемь самое унизительное — делить с бывшим мужем сушилку для белья. Сушилка, по крайней мере, складывалась.

За моей спиной прокашлялся мужчина.

— Налево открывается шире.

Я вынула рулетку изо рта.

— Я пробовала.

— Я про наружную дверь. Эта шире только на рисунке.

Он показал на выцветшую схему эвакуации. На схеме и вправду было две стрелки, одна заходила под рамку. Я потянула на себя наружную дверь, и та ударила меня ручкой по запястью. Мужчина сделал полшага, потом остановился. Мне это понравилось больше, чем если бы он успел поймать дверь.

— Держать? — спросил он.

— Дверь. Стол еще не мой, я его только собираюсь унести.

Он посмотрел на стол: светлая столешница, две выгоревшие полосы по краям, одна ножка обвязана зеленым шнурком.

— Я не по столу, — сказал он. — Я к Инессе Тихорецкой.

— Если вы из библиотеки, я не краду имущество. У меня в сумке акт с печатью.

— Владлен Мякин. Мне дали ваш номер, чтобы договориться о пробной записи. Я звонил два раза. Потом пошел искать, потому что в комнате с вашим именем никого.

Я достала телефон. На экране два пропущенных с одного номера и сообщение от дочери: «Только до шести. Потом ухожу». От одного ее имени на экране у меня сжалось горло. Мы договаривались на субботу две недели, и сегодня утром она наконец написала, что придет. Я ответила, что запись займет пятнадцать минут. Про стол не написала, иначе она пришла бы с отверткой, а я собиралась позвать ее не для этого.

— Комната моя только до вечера, — сказала я. — Если успеем записать на пробу, можно будет попросить ее на остальные субботы.

Владлен все еще держал дверь. На нем было пальто с поцарапанной роговой пуговицей, в кармане шевелилась желтая матерчатая ручка сумки.

— А куда вы его несете?

— Под окно. Мне обещали убрать коробки.

— Тогда вам не на улицу. Дверь под стрелкой ведет в коридор, потом через комнату для сотрудников.

Я посмотрела на часы. Пять минут назад мне уже показали этот путь, я просто не дослушала, куда идет вторая стрелка.

— За этот совет я готова отдать вам стол, — сказала я.

— А на чем мы будем записывать?

Я посмотрела на его руки. Он держал дверь одним пальцем, совсем без усилия. Мне захотелось, чтобы он подержал еще минуту. Я разозлилась на себя за это раньше, чем за неправильную стрелку.

Разумеется, в коридоре стол застрял. Не намертво. Просто всякий раз, когда я просила подать угол ближе, Владлен подавал не тот, а я не могла назвать нужный, потому что смотрела на мебель снизу. Мы оба выдохлись на третьем повороте.

— Давайте поставим, — сказал он.

— Передумали?

— Передохнуть надо. Я, например, так скоро начну ругаться при посторонних.

Я выпустила край. Тут я заметила, что все это время берегла рукав пальто от известки, а он, наоборот, упирался в стену плечом. На темной ткани осталась широкая белая полоса.

— У вас плечо.

Он провел ладонью по другому плечу. Я протянула руку, но он уже смотрел на меня, и я поправила волосы. Никогда у меня не получалось поправить волосы так небрежно, как у женщин, которые действительно хотели поправить волосы.

За дверью, куда нас наконец пропустили, стояла тяжелая коробка с подшивкой районной газеты. Сверху лежал мой экземпляр договора, пока без подписи библиотеки, раскрытый на странице с суммами. Библиотекарь перед уходом прижала листы дыроколом. Я знала три числа наизусть. За запись и расшифровку — столько, чтобы перестать брать субботние смены до конца месяца. За монтаж — достаточно для половины залога за квартиру. Последняя сумма, за показ, позволяла доплатить вторую половину и не говорить бывшему, что пока не получается. Будь на листе всего две строки, жить я все равно смогла бы. Я бы искала комнату подешевле. Но сначала, наверное, опять набрала бы его номер в четыре утра, с холодного пола, как раньше, когда у меня не сходились деньги.

— Это все ваше? — Владлен кивнул на договор.

— Дырокол нет.

Он засмеялся. Я вдруг услышала, что у него тихий смех, хотя кашлял он перед дверью громко, будто хотел меня предупредить: здесь еще человек. Мы сдвинули стол к окну. Он включил маленький прибор, поставил возле ножки кружку, найденную на подоконнике, и попросил меня стукнуть пальцем по столу.

Я стукнула. Кружка ответила.

Он снял ее. Я стукнула еще раз. Где-то внутри ножки что-то забренчало.

— Точно надо было его вынести через улицу, — сказала я. — Там бы потеряли.

— Подождите.

Владлен наклонился так низко, что едва не коснулся щекой пола, посмотрел снизу, потянул за шнурок. Стол опустился с одной стороны, а с другой приподнялся. Я засмеялась так резко, что сама зажала себе рот ладонью. Он задвинул обратно тонкую деревянную плашку, которую шнурок удерживал на ножке. Потом сел на корточки и повернулся ко мне.

— Если держать пальцем, не бренчит. Проверим?

Две минуты мы прикидывали, кто согласится двадцать минут подряд держать ножку пальцем. Гвоздь в сумке у него был, молотка не было. Кусок картона я вырезала из коробки с одноразовыми стаканчиками. Он сложил его втрое. Я слишком рано нажала на ножку, и он прищемил палец. Он очень ясно и негромко выругался.

— Я же предупреждал, — сказал он потом.

На этот раз я не спрятала лицо. В комнате пахло газетной бумагой и мокрой шерстью. За окном мужчина из соседнего дома счищал с подошвы комок снега об ограду. Владлен разгибал палец и смотрел на меня с обидой, большей, чем того заслуживал палец, пока уголок рта не выдал его. Со мной давно не смеялись вот так, ничего не требуя взамен. Я заметила это и тут же стала искать, что предложить.

— Чай будете?

— Буду. Только после настройки. А кто первый собеседник?

Я убрала свой экземпляр в сумку: подписать его договорились в понедельник. Рука задела зубцы старого ключа. Ключ давно не открывал дверь, потому что мы вместе договорились поменять замок, когда я съехала. С тех пор он ездил со мной на разные работы: очень удобно было знать, где он, вместо того чтобы решать, куда его деть.

— Дочка. Я хочу проверить, как вопросы звучат на живом человеке. Мы уезжали вместе, но запомнили совсем разное.

— Она знает, какой вопрос?

— Нет. Вопрос такой, что его не надо готовить.

Владлен положил прибор плоско на стол, не стал нажимать кнопку.

— Тогда у меня другой. Можно ли ей сказать «выключите»?

Я хотела ответить, что моя дочь и на свадьбе встанет со стула, если ей что-то не понравится. Мы с ее отцом никогда не просили ее молчать. Как только я представила, что произношу эти слова здесь, они стали сомнительными. Мы не просили молчать. Мы успевали договорить за нее.

— Можно, — сказала я.

В приемной щелкнул замок. Дочка всегда долго ставила зонт в стойку, чтобы тот не упал и не облил соседские сумки. Сейчас я услышала один короткий удар, потом ее шаги.

— Мам, я на пятнадцать минут. И это ведь просто попробовать?

— Просто попробовать.

Я выдвинула для нее стул. Владлен уже убрал свою кружку, а я заметила, что достала из сумки три пакетика чая. Пакетик с бергамотом, который дочь терпеть не могла, я, как всегда, оставила ей.

Глава 2. Пятнадцать минут

У дочери в рюкзаке лежали яблоки. Она достала одно и покрутила черенок, пока Владлен объяснял, чем зеленый огонек отличается от красного. Потом сняла с яблока магазинную наклейку и прилепила ее на колено. Не знаю, зачем она так сделала. До записи я принимала подобные вещи за приглашение спросить. Сейчас почему-то не спросила.

— Вам мешает, если я буду здесь? — сказал Владлен.

— Не знаю. Мам, тебе мешает?

— Он настроил. Я еще не знаю, что могу случайно выключить.

— В таком случае я подожду за дверью. Если понадобится, постучите.

Он попросил меня еще раз найти глазами большую кнопку, оставил рядом отключенный телефон и вышел. Я запомнила, где на столе лежал телефон, хотя мне это было совершенно не нужно. Дочь откусила яблоко.

— Что?

— Смотрю на тебя.

— Ты на дверь смотришь.

Я повернула прибор так, чтобы обе видели огонек. Договорились: сказать «стоп» может каждая, никому ничего показывать не будем. Я нажала кнопку и тут же заметила, как дочь выпрямила спину, будто ей пришло в голову, что слышно станет и это.

— Расскажи про день, когда мы уехали из квартиры.

Она дожевала яблоко. Я давно не видела, как она ест. Теперь обедала у себя или на работе, иногда присылала фотографию чего-нибудь совершенно невозможного, например черных помидоров, и спрашивала, можно ли их класть в суп. Через минуту уже клала.

— Это когда папа с пакетом остался?

— Он с зонтом остался.

— С пакетом. Зонт был в машине.

Я помнила синий зонт без кнопки. Муж стоял под ним, на улице сыпалось что-то едва заметное, снег не снег. Я из-за стекла машины видела, как он переступает с ноги на ногу. Подойти не спешил. В тот день мне казалось, что переступал он потому, что не мог решить, идти ли домой. Возможно, ему просто жали новые ботинки.

— А что было в пакете?

— Я не знаю. Тяжелое. Он держал его снизу. Потом поставил у подъезда и ручки завязал.

Я чуть не спросила, откуда она знает, что в пакете было тяжелое. Потом вспомнила, что сама принесла этот пакет вниз. В него ушли чашки, которые свекровь подарила нам по одной на каждую годовщину. Однажды у нее в магазине остались только ярко-оранжевые с муравьями, одну такую я решила забрать с собой. Остальные я упаковала в кухонные полотенца и снесла к машине, а там вдруг передумала. Если муж и удивился пакету, виду не подал.

— Чашки, — сказала я. — Вот, вспомнила.

Дочь положила яблоко на салфетку.

— А я хотела у вас обоих спросить, куда вы дели чашку в муравьях. Думала, ты ему оставила.

— Она у меня. Могу отдать.

— Мама, я спрашивала, куда вы дели чашку.

В голосе не было жара, только усталость. Я села глубже на стул и услышала скрип. На приборе дрогнула полоска, в которой я еще не умела отличать скрип стула от скрипа в голосе. Подумала, что зря взяли стул со спинкой. Потом подумала, что мы с бывшим и за выбор стула умели проговорить целый ужин.

— А я что делала? — спросила я. — Когда ты ждала меня в машине.

— Ты не садилась. Держала дверь открытой и спрашивала, помню ли я, где синяя папка. Несколько раз спрашивала. В той папке были твои выкройки, хотя ты говорила, что документы.

— Документы тоже.

— Мам, ну я не переезд тебе инвентаризирую.

Ей стало смешно раньше, чем мне. Я дважды видела, как муж убирает синюю папку с кресла, потому что вечером ему хотелось туда сесть. Не было в папке документов. Были выкройки, а в них толстая школьная тетрадь, куда я записывала мерки людей, на которых шила в двадцать с небольшим. Полная чужих животов, кривых плеч и радостей страница. На ней же был размер моей первой юбки, которую я сшила себе после рождения дочери. Почему я назвала все это документами? Чтобы было слышно, как это необходимо?

— А ты еще сказала, — продолжила дочь, — что если я передумаю, то могу остаться у папы досыпать. Он тогда как раз починил ручку на двери моей комнаты.

Я помнила, что говорила другое: что она может приехать ко мне в любой день. Наверное, говорила и так, и так. Помнила главное, то есть что у нее есть выбор. Только до сих пор считала, что она выбрала меня. Она встала так рано, потому что надо было помочь с вещами, а спать потом действительно осталась у отца. Я еще думала, приедет на следующую ночь. Несколько дней укладывала диван боком, чтобы между ним и стеной проскальзывал человек.

— А ты хотела остаться там?

Она опустила глаза, потерла наклейку на колене. Наклейка перестала держаться, и дочь сжала ее между двумя пальцами.

— В ту ночь хотела. Мам, я дома хотела спать.

Вот это мне хотелось услышать еще раз, медленнее, с одним лишним словом после «хотела». Я собиралась спросить, что значит «дома», но увидела на ее открытом телефоне, что осталась минута. На приборе побежала полоска, хотя мы обе молчали: он поймал шаги за дверью.

— Пятнадцать, — сказала дочь.

Я выключила запись. Отодвинула прибор и не стала включать обратно, когда она как раз после остановки сказала, что обе квартиры теперь знает по запаху коридора и ни в одной не боится заснуть. У нее осталось пол-яблока. Она завернула его в салфетку и не взяла мой чай.

— Я не хочу с тобой поссориться, — сказала она, поправляя лямку рюкзака.

— Мы и не поссорились.

— Ага. Скажи это потом еще раз, когда я уже не здесь.

В дверях она столкнулась с Владленом. Я услышала, как он сказал: «Все, можно идти». Я не знала, успела ли дочь ему что-нибудь ответить. Потом долго пыталась понять, почему мне стало смешно. Дочь вышла, а он остался стоять на пороге. Видимо, не знал, помешает ли разговору, который все еще продолжался у меня в голове.

— Все цело? — спросил он.

— Похоже, да.

У меня были теплые ладони. Я положила их на холодную столешницу и на секунду обрадовалась так, будто дочь не сказала мне ничего трудного. Мы с ней пятнадцать минут всерьез говорили о дне, который я до сих пор рассказывала в двух коротких фразах. У меня впервые за долгое время оказалось больше времени на этот разговор, чем слов.

Владлен сел на освободившийся стул. Не потянулся к прибору.

— Можно чай? — спросил он.

Я достала пакетик с бергамотом. Он поймал его, не глядя, большим пальцем прижал к столу и сразу сказал:

— О, такой я люблю.

Было бы совсем легко отшутиться, что хотя бы кому-то угодила. Я не отшутилась.

Глава 3. Две заявки на стирку

Наутро дочь прислала снимок внутренности стиральной машины. Я увидела красное пятно на сером валике и написала: «Это от моей кухонной тряпки, не вытаскивай, пока горячая». Через минуту она ответила, что никакой тряпки там нет, а есть красный край ее одеяла, который зажевало дверцей. И что фотографию она послала не за диагнозом. На фотографии в углу была видна желтая защелка. Дочь хотела узнать, как она открывается.

К тому времени, когда я дошла до нашего прежнего дома, муж уже отключил машину и сидел в ванной на белом ведре. Дочь отвела коленом дверь и смотрела в телефон. Я сняла пальто. Не повесила на свой крючок: на нем оказалась сумка с пакетами для мусора. Подержала пальто в руке, осмотрелась и сама открыла шкаф. На своем месте нашла тонкую деревянную вешалку с темной отметкой. Когда-то она была моей, потом я научилась вешать на нее все, что хоть сколько-то держалось. Муж из ванной спросил, долго ли я собираюсь стоять с пальто в руках. Так он говорил и раньше. В этот раз вешалку получилось развернуть сразу.

— Где кусок? — спросила я.

Дочь показала. Закатала рукав и попыталась отодвинуть красную ткань. Я сказала, что сейчас папа достанет пассатижи. Она велела не тянуть. Я подумала, что к вечеру эта фраза доберется до нашей вчерашней записи. Поймала себя на том, что уже переставила ее внутрь вполне удачной истории. Там у меня получалась девочка, которая знала, как остановить близких, пока те не стали чинить за нее жизнь. В ванной стояла взрослая женщина на одном носке: второй успела намочить и снять. Она ничего такого не произносила.

— Я одеяло сама достану, — сказала она. — Мне надо, чтобы кто-нибудь подсветил, куда нажать.

Муж подвинул ведро влево. Я полезла за телефоном, но он уже снял с полки маленькую лампу с прищепкой. Она была моя. Я брала ее в автобусные поездки и закрепляла на мягком воротнике, от которого лампа все время съезжала. Теперь муж пристегнул ее к дужке ведра и направил свет на защелку. Дочь просунула кончик старой пластиковой карточки и нажала; дверца немного подалась. Еще надо было потянуть одеяло на себя в сторону, где новый край не мог попасть под стекло. Она сказала обоим подождать. Я увидела белую полоску между двумя стежками и очень хотела там поправить рукой, совсем чуть-чуть. Сцепила пальцы за спиной. Через несколько секунд ткань скользнула по резине и упала на дно тазика. Тяжелая так, что тазик слегка присел.

— Готово, — сказала дочь.

— Готово, — повторил муж и снял лампу.

В голубой кружке на стиральной машине торчало три коротких карандаша. Единственная такая кружка была наша, когда дочка пошла в первый класс. Мы с мужем сразу купили ей другую, с толстой ручкой, но она предпочитала наливать молоко в эту и держать обеими руками. На боку до сих пор была белая отметина, которую я принимала то за рыбу, то за птицу. Я протянула кружку дочери.

— Возьмешь? Папа, говорю же, давно хотел заменить.

Муж посмотрел на кружку.

— Я ее для карандашей и оставил.

— Тут любой стакан подойдет.

— Но у меня уже есть этот.

Он не повышал голоса. Только провел пальцем по отметине. Я вспомнила, как он зимой чинил ручку: сложил два осколка на бумаге и ничего при мне не обещал. Кружку вернул не дочери, а мне. Сказал, что отныне наливать можно по половине, тогда ручку не надо брать на

вес. Я знала этот подробный семейный случай и все равно почти успела распорядиться кружкой так, словно подробность принадлежала только мне.

Я поставила ее на место. Дочь выжала одеяло руками, попросила чистое полотенце, чтобы подложить под одеяло и отнести на длинную сушилку. Ни о ком из нас она не говорила как о хранителе кружки. Потом села на пол, вынула из-под машины свою карточку, которая выскользнула, и дважды потерла большой палец. Там было тонкое красное волокно. Муж потянулся за полотенцем под раковину, но она остановила его: то, на котором сушат кружки после полоскания, брать незачем. Дошли до стеклянной двери на кухне. Дочка несла таз. Я шла рядом без груза.

Я пришла с пустыми руками, а теперь раскрывала все подряд: у кого порошок, полезно ли простирнуть одеяло еще раз, не лучше ли взять с собой. Дочь отнесла таз к сушилке и сказала, что именно сушилку ей и нужно. Дома у нее пока нет такой длинной. Через двадцать минут после нашего разговора она собиралась ехать за стеллажом и вернется, когда одеяло перестанет течь. Бывший предложил завезти, если вечером все равно поедет к магазину. Она попросила не завозить, потому что стеллаж ей еще надо будет везти снизу самой и от совмещения двух тяжелых вещей воскресенье не станет длиннее. Потом спросила, чей маленький квадратный лоскут лежит возле прищепок.

Я увидела цветную кайму. Этот лоскут я вчера искала, собираясь подложить под ножку табурета в своей временной комнате. Сказала, что мой. Она подержала его за один угол и вытянула ко мне руку. Ладонь у нее еще была влажная. Вчера в библиотеке я тоже протягивала ей что-то через стол, не предупредив, что у предмета будет другая сторона. Там она сама убрала яблоко и сказала, что пора. Здесь отдала лоскут именно тогда, когда мне захотелось спросить, не помнит ли она еще один случай переезда.

— У вас есть ножницы? — спросила она.

— Где ты оставила, — сказал муж.

Она посмотрела на меня. Мы обе поняли, что этого места никто не узнает по его словам. Дочь отыскала ножницы во внутреннем кармане фартука и срезала висящую нитку с одеяла. Я хотела сказать, что дома надо держать все в одном месте. Но у дочери дома теперь была своя дверь, а тут вообще не я решала, где оставить ножницы.

Меня позвали помочь расправить одеяло. У мужа были руки мокрые от деревянных реек, он потащил сушилку левым боком и задел обивку двери. Дочь не закричала, только вышла переставить настольную лампу. Бывший держал две рейки, а я по ее просьбе вынула из-под них дальний мокрый край. Оказалось, мы с мужем умеем расправлять одеяло тремя руками и не догадываться одновременно, что с ним будет. Дочь поставила мокрый угол прямо на середину. Течь стало в таз. Этого ей было достаточно.

Прежде чем уйти, я достала из сумки сложенную бумагу. Накануне собиралась отдать ее дочке, но было уже шесть. Там были и даты, и несколько возможных тем, которые могли бы помочь, если захочет продолжить пробу. Раскрыла лист до первой складки. Надо было только протянуть вперед. Я свернула его и сунула обратно. Потом открыла дверь и спросила: решать ли сейчас, что сделать с нашей пробой, или пока пусть так и лежит в закрытой папке. Она придержала пальцами красный край, который принялся сваливаться.

— Позже. Я вообще еще не слушала и не знаю, хочу ли.

— Хорошо.

Другого вопроса я не задала. Еще несколько минут пила воду, смотрела, как она отрывает тонкие пакеты один от другого. Один надулся у нее между рук, она испугалась громкого щелчка и засмеялась. Смешно было не про нашу семью. Просто у нее один носок был на ноге, другой сох на голове игрушечного кота, которого отец до сих пор держал на холодильнике.

Когда дочь наконец подняла сумку, из внутреннего кармана выпал маленький конверт. Я узнала свой почерк. В прошлом месяце оставила ей на столе деньги на полку в прихожую,

которую мы выбрали вдвоем. Она тогда не сказала, что не возьмет. Я была уверена, что давно расплатилась с магазином за эту полку, а теперь увидела свои помятые купюры в том же конверте. Дочь сказала, что взяла стеллаж с рук, без доставки, и заплатит человеку сама. Попросила меня забрать деньги, пока опять не решила, к какому празднику отдать. Раньше я бы объяснила, что это ей на новоселье и необязательно на полку. Потом нашла бы что-нибудь тяжелое, как будто дело в весе подарка. Теперь вынула деньги из конверта, а конверт оставила ей. Спросила, нужна ли моя машина для стеллажа. Нет, привезет знакомая, у нее как раз освобождается багажник. В воскресенье вечером мы с дочерью будем в разных местах и каждая сможет найти там, чем заняться. Я уже успела освободить для стеллажа весь свой день. С его исчезновением пришлось вспомнить, когда я в последний раз могла просто пойти на рынок и вернуться не раньше первой темноты.

На площадке он догнал меня и показал почтовый ящик. Сказал, что там могут оказаться мои извещения, если кто-нибудь продолжает писать на старый адрес. Я записала себе проверить адреса в понедельник. Он предложил поискать вместе. Я на секунду узнала тот приятный порядок, когда человек ждет у входа, пока с моей стороны будет сделано ровно столько, сколько я умею. Но дверь еще была приоткрыта, дочь звякнула ведром. Я хотела, чтобы отец спокойно вернулся к ней раньше, чем потянется за моей почтой. Сказала, что узнаю сама. Внизу меня ждала остановка, которой я раньше не пользовалась: надо было выйти из двора с другой стороны. Лоскут согрелся в кармане, маленький квадрат, который больше не надо было ни у кого спрашивать.

Глава 4. Утренний ключ

Утром в понедельник бывший муж написал, что у него мои зимние ботинки. Я села на край кровати и поджала ноги. В квартире, которую мне дали до конца месяца, батарея грела только с одного конца. Босиком по полу я ходила по диагонали от коврика к коврику. В этой стране коврики могли бы быть остановками, а я бы по ним добиралась на работу.

«Можешь оставить у двери», — написала я.

Ответ пришел, пока я чистила зубы.

«Могу завезти и купить нормальные стельки. Ты все время говорила, что тонкие».

Стельки действительно были тонкие. Если бы он меня совсем не знал, с ним было бы гораздо легче расстаться.

Я попросила принести ботинки к семи в подъезд. Хозяйка предложила оставить мне второй пропуск в подъезд, на случай если будут гости. Я его не взяла. Я рассказала себе, что не хочу отвлекать мужа от его дел: очень хороший предлог не уточнять, кого не хочется пускать наверх.

К полудню библиотекарь подписала мой экземпляр договора. У нее было две пары очков, одна на макушке и одна в кармане. Печать она ставила без очков. Спросила, увидимся ли в субботу с первым участником, и подвинула договор ко мне.

— Повесьте табличку, когда у вас запись; вдруг кто-то захочет войти.

— Какую табличку?

— Бумажку на стекле. «Не стучать», например.

Мне самой нравилось, как глухо слышно в библиотеке, когда кто-нибудь осторожно стучит. У нас с матерью был такой стук в стенку: она клала меня спать с одной стороны, сама ложилась с другой и царапала обои ногтем, чтобы я поняла, что она дома. Когда я подросла и нашла в том углу выемку, спросила, почему она вечно портила стену. Мать впервые услышала от меня, что я это помню. Она ответила: «Там уже до меня было неровно». Я ждала, что она расскажет что-нибудь еще. Этого не случилось.

— «Идет запись», — сказала я. — И еще «Подождите, пожалуйста».

— Да напишите как хотите. Только проверьте потом, чтобы сняли. У нас прошлый кружок оставил «Вход со сменной обувью» на два месяца; люди разувались.

Я села у окна и на обратной стороне вывески про какую-то давнюю выставку написала: «Пожалуйста, подождите за дверью. Мы записываем разговор». Потом перечитала и вычеркнула «мы». Оказывается, я представляла, что Владлен будет рядом при каждой записи. Он обещал показать, как обращаться с аппаратурой. На мои интервью приходить не должен был; после показа заберет технику.

Я могла бы спросить, оказывает ли он другие услуги. У него в сообщении была готовая подпись с телефоном. Сообщение состояло из названия двух маленьких кабелей и короткого предупреждения, что одна из крышек не до конца закрывается. Мне хотелось ответить, что я умею открывать крышки, и оставить ему возможность что-нибудь сказать сверху. В конце концов я послала фотографию зеленого огонька. Владлен ответил не сразу: «Теперь попробуйте не фотографировать красный, а поговорить при нем». И через минуту: «Я бы кофе выпил, если вы еще там». Я была там. Но мне захотелось, чтобы это казалось совпадением, и я написала, что почти уехала.

«Тогда в другой раз».

Я прижала телефон к плечу изо всех сил. Плечо не сделало ничего, чтобы поправить дело.

В семь в подъезде кто-то держал приоткрытой входную дверь. В щели тянуло сыростью. Я спустилась на один пролет и увидела под перилами светлую полосу от телефона. Муж сидел

боком, положив пакет с ботинками между ног. Он открыл дверь для женщины с коляской, а потом подождал, пока она поднимется. Я остановилась на ступеньке. Он убрал телефон.

— Ты хоть эту молнию зашила?

— На ботинках нет молнии.

— Значит, на пальто. Слушай, я же могу привезти машинку. Незачем так.

Раньше я уже ходила бы кругами мимо этих слов. Как? Живешь? Стараешься? Все подбирала бы такое продолжение, в котором можно и согласиться, и почувствовать себя оскорбленной. Сейчас я подняла пакет. Ботинки он почистил и один завернул в старую газету, чтобы каблук не поцарапал второй. Я сразу вспомнила, как заворачивала чашки.

— Спасибо, — сказала я. — Машинку не надо. Ее мне некуда поставить.

— А у тебя с квартирой что?

Я рассказала ему про залог. Не собиралась, но он спросил так, будто это уже можно было обсуждать. Мы много лет проверяли, хватает ли обоим денег на нужные вещи. Он никогда не делал из этого торжества. Чуть послушал и предложил перевести недостающую часть. Я знала, что он действительно просто переведет. Развод не уничтожил нашего общего умения потратить меньше и жить приличнее.

— А если я не возьму?

— Тогда не возьмешь. Я ведь не банк.

Он улыбнулся. Мне захотелось сесть рядом, поставить ботинки на ступеньку и рассказать ему, что участники будут приходить по одному, а в самой обыкновенной комнате слышен воздух. Он внимательно бы слушал и спросил, когда зарплата. Не потому, что воздух ему неважен. Ему так было бы проще понять, получается ли у меня.

— Пока попробую сама, — сказала я. — И еще: если захочешь что-нибудь принести, позвони из дома и дождись, пока я отвечу. Не сиди на лестнице.

— Ты бы меня к себе не позвала?

— Сегодня нет.

Муж поправил воротник. Несколько секунд он не отвечал. Потом наклонился, оторвал от пакета бумажную ручку, которая вылезла из отверстия, и сунул ее внутрь, чтобы не растерялась.

— Тогда лучше передам тебе остальные вещи через дочь.

— Нет. Она не почта. Я составлю список и заберу, что еще мое, в один день.

— Какой?

Я не знала, какой, но в кармане у меня был блокнот, купленный, чтобы записывать библиотечных собеседников. Я открыла его на последнем листе. Он сказал, что в четверг на будущей неделе будет дома до обеда, я услышала, а не предложила ему пять дней на выбор. Записала четверг. Я так давно не видела его с этой лестницы, что не понимала, уже ли могу уходить. В конце концов он заметил это, поднял ладонь и вышел.

Наверху я примерила ботинки. Стельки он все-таки заменил. Ступням было тепло. Снять стельки означало бы не перестать принимать помощь, а стоять босой на ступеньке, держа в каждой руке по теплому куску войлока. Я поблагодарила его сообщением, выключила экран и пошла к зеркалу. На пальто действительно расходилась молния. У нижнего конца я отпорола молнию от подкладки и зашила прореху, чтобы не терять мелочь из кармана. Верхнюю часть оставила до утра.

Глава 5. Четвертый винт

Вещи, которые мы должны были поделить, я поначалу записывала на обороте старого плана кухни. На плане еще были нарисованы четыре стула, хотя четвертый давно расклеился и стоял в подвале. Муж принес план домой с работы. Он много лет ходил с ним по одному хозяйственному магазину, потому что хотел найти крепление для полки точно под ту ширину, которую мы знали оба. Потом нашел крепление, и с тех пор план лежал свернутым возле мужниных перчаток.

Чтобы уместить на нем вещи, я сама перечеркнула четвертый стул. Зимой, еще до развода, я сказала мужу, что по воскресеньям буду ездить в клуб при библиотеке, если наконец пришлют расписание. Там учили собирать местные истории для учебного архива. Я нашла объявление между рецептом салата и страницей со старыми школьными фотографиями. В клубе просили платить отдельно за поздний автобус или ждать, пока водитель освободит два свободных места. Муж посмотрел вместе со мной, придумал, как быстрее ехать в воскресенье, и снова ушел на работу. Тогда в первый раз я подумала, что у меня появилось дело, о котором не нужно обсуждать все до последней остановки.

В день первого занятия к нам приехали его родственники. Так и планировали: за столом до обеда, потом я уйду, если понадобится. Я надела новое светлое пальто и вынесла в коридор сумку. На стуле возле двери сидела его тетка, они оба любили разговаривать, не вставая с места. Она увидела сумку и сказала: «Хорошо, раз ты никуда не спешишь, покажешь мне, как на телефоне увеличить буквы». Я сказала, что смогу показать сейчас, потом у меня занятие. Тетка удивилась. Муж прервал сообщение, которое писал на кухне, и выглянул в коридор.

— Я объяснил, что мы туда потом вместе съездим, — сказал он.

— Куда?

Он ответил, что до библиотеки, когда будет нормальный автобус. Я переспросила. Оказывается, он еще вчера разговаривал с человеком из клуба. Сказал, что в первый раз я не доеду, если занятие заканчивается так поздно. Оно заканчивалось в семь. Зимой в семь на нашей остановке темно, но утром темнее, и на работу я каждый раз как-нибудь добиралась. Мне хотелось спросить, зачем он вообще звонил. Тетка уже убрала телефон, смотрела перед собой, не понимая, кому теперь не надо спешить. Муж сказал, что там осталось всего шесть мест и он не хочет, чтобы пропало место для человека, который точно сможет приехать.

Я не опоздала на автобус. Я не успела только получить свое место. Позвонила в клуб, стоя на лестнице, мне сказали, что его заняли буквально вчера и переноса на следующий день нет. Человек на том конце даже предложил мне прийти посидеть на другом занятии после праздников. Я так и сделала. В тот день вернулась в квартиру, разделась, попросила тетку показать телефон, и пока она искала очки, мы с мужем стали выносить из подвала четвертый стул. Он совершенно не помнил, что еще утром я собиралась уехать. Знал только, что я ему не позвонила, когда точно решила, на каком автобусе.

— Поставь сбоку, — сказала я ему в подвале. — Да не, не тот бок. Поверни целиком.

Он повернул. Ножка сразу выскочила из старого паза, мы оба схватились, чтобы не уронить стул на бетон. Он успел прижать его к стене, я держала спинку. Не смогла отпустить, пока не почувствовала, что он не тянет к себе. Потом он сказал:

— Инесса, ты-то зачем держишь, я же справлюсь.

А я не хотела ни вырывать у него стул, ни доказывать, что справлюсь одна. Я хотела, чтобы мне больше не приходилось вставать из-за стола посреди разговора и доказывать, что я вообще могу уйти. Отпустила спинку. Муж поставил стул боком, потом помог вытащить остальные пакеты. Четвертого винта, который удерживал ножку, он так и не нашел. Дошел до лестницы, обернулся и понял, что я осталась у стены. Вернулся. Я сказала, что хочу жить

отдельно. Не «дай мне поехать», не «я сама устрою», а именно так. Попросила не отвечать сразу. Он сел на нижнюю ступеньку, я увидела на его носке старую полоску от краски, которую мы пролили в кухне лет пятнадцать назад, и думала, что, если сейчас он скажет «не могу», придется еще раз повторить.

— Про библиотеку не пойму, — сказал он после долгого молчания. — Тебе правда было так важно уже сегодня?

— Теперь мне важно, чтобы ты не отвечал мне про библиотеку.

Он отвел глаза. Я тоже боялась туда смотреть. Мы до этого ссорились много раз, во время ссоры легко заговорить знакомое: сколько времени ты меня не слышал, сколько я тебе отдала, кому теперь будет легче. В тот вечер мы оба отказывались от простого объяснения. Он сказал, что не знает, что сделать, если я в самом деле съеду. Я тоже не знала. У нас в подвале стоял стул без винта, который так и не стал остальной жизнью. Только тогда я впервые перестала думать, что обязана закончить разговор так, чтобы ему было куда сесть.

Сейчас на обороте плана кухни между двумя наименованиями я нашла свой старый почтовый адрес. Мы его когда-то записали туда, чтобы вернуть не подошедшее крепление. Я переписала адрес в блокнот, потому что мне еще придут извещения, и перестала держать лист. На той стороне не было ни нового плана, ни исправленного расписания. Я сложила его вдвое, уместила в ящик и пошла смотреть, по какому адресу мне завтра ждать звука.

Глава 6. Одна строка в расписании

Увидев мою заявку, заведующая сняла скрепку и разложила листы по краю стойки. Суммы стояли в договоре, который мы уже подписали. Сейчас я просила только время. Я пришла просить четыре субботних утра и несколько коротких часов посреди недели, а получилось, что каждому листку отвели собственное место, как человеку после ссоры.

— Вот это кому нужно? — она ткнула в середину первого.

Я прочла: «Участники смогут представить семейные истории в подготовленном виде». Сама писала после девяти вечера, сидя на одном краю покрывала, пока другой край сох над батареей. Фраза поместилась ровно в одну строку. Я объяснила, что человек приносит вещь, выбирает, откуда начать, мы пишем разговор, а потом будет отдельный показ. Заведующая перевернула второй лист.

— Вы всем предлагаете выступить?

— Нет, микрофон один, в комнате.

— А представить — это что? Они сюда приходят, чтобы отнести запись своим, или вот сюда, где у вас в смете показ?

Она постучала в другую строку. Теперь мне пришлось говорить с начала. Еще до подписания договора я понимала, что запись и расшифровка отдельно, сборка отдельно, а последнее событие под своим номером. На моей новой бумаге я склеила все три в глагол «представить». Смотрелось так, будто запись никуда без последнего события не годится. Я потянулась за ручкой. Заведующая накрыла ее ладонью.

— Подождите. Если я не понимаю, читатель, скорее всего, тоже. И у меня тут в субботу с десяти шахматы.

Она встала и сняла с доски старое расписание. По субботам, оказывается, раз в месяц с девяти меняли книги в большом зале и невозможно было уйти в комнату, не проходя через очередь у стойки. В остальные недели могла найтись тишина, если отодвинуть стол от двери и не ждать, что шахматисты передвигают стулья бесшумно. По средам у окна был прием заявок на подшивки. По вторникам удобнее, но одна из сотрудниц ходила за ребенком к пяти и закрывала комнату заранее. Я посмотрела на фотографии внизу доски: люди в шапках сели на ступеньки библиотеки, под неторопливое солнце. В голове у меня для всех всегда был стол у окна, не расписание и не люди, которым сначала надо убрать шахматы.

Заведующая засунула старый лист обратно под резинку.

— Вам написать семь окон и три освободить, если не придут?

— А кому тогда откажете?

— Тому, кто хочет тихо посидеть и не говорить. Таких тоже хватает.

Я в самом деле нуждалась в четырех субботах. В будни на моей работе проще менять четверть часа, а не двадцать разговоров подряд. Посредине дня я не могла бы предупредить женщину, что дома внезапно поменялось расписание и теперь ее история не влезает. Можно было взять побольше заранее, обещать потом сообщить лишнее. Время у меня ниоткуда больше не появится. Но я уже видела, как под передней дверью стоит пожилой человек, которому никто не позвонил, потому что я успела оставить его «запасным».

— Дайте четыре окна по два часа, не весь день, — сказала я. — И одну короткую комнату среди недели, пусть там подшивки лежат. Если подстроюсь, скажу до понедельника. Заявки лучше сперва вести на одну встречу. Не на показ.

Она просмотрела лист еще раз. Я нашла черную ручку в сумке и приписала: «Приходите поговорить». Мне показалось даже чересчур просто, как объявление о том, что работает другой вход. Заведующая прочла и не согласилась.

— Поговорить они и без вас могут. Что принесут домой?

— Свою запись, если захотят забрать.

— Напишите это.

Я написала. Пришлось вычеркнуть «в подготовленном виде». Свою запись можно забрать и нести следующим людям даже в сыром. Я собиралась предлагать короткий итог, но отдать человеку то, что он на самом деле рассказал, и оставить его со своим голосом не одно и то же. Я думала, эта разница проявится потом. Тогда впервые порадовалась, что пришлось объяснять человеку, который не сидит внутри моей комнаты.

Из большого зала привезли тележку. У тележки заедало одно колесо: сотрудница приподнимала его перед порогом и переезжала на трех. Я подхватила ее за переднюю ручку. Она сказала, что разрулит сама, но я уже держала. Мы несколько секунд стояли по разные стороны тележки. Я отпустила, и она медленно толкнула. Целая колонка одинаковых серых корешков дрогнула. Один том сполз на пол. Сотрудница нагнулась за ним сама, а я осталась с пустыми руками. Заведующая подала мне два новых листа и спросила, можно ли посмотреть, куда я собираюсь поставить микрофон. Мы пошли, пока теперь уже не надо было решать всю программу.

Внизу стол не двигался. На подоконнике, куда Владлен тогда убрал кружку, остался маленький серый круг. Я поставила сюда блюдце с двумя скрепками. Заведующая сняла блюдце первым движением. Сказала, что не любит, когда при ней стол сразу становится красивым. Мне хотелось попросить ее дождаться Владлена, чтобы услышала, как быстро он слышит то, чего никто из нас не замечает. Но Владлен обещал один раз показать, а не приходить спасать все чертежи. К тому же я за тот кофе уже успела ответить, что почти уехала. Мне было неловко искать его сейчас под видом чужой тревоги.

— Где человек сядет? — спросила заведующая.

Я показала высокий стул у стены. Второй стоял боком, к окну. Если сесть на этот, я смогу подложить стопку под короткую ногу. Заведующая выбрала высокий, который я отвела для гостя, и подвинула к столу. Я нажала красное, попросила назвать любую строчку из заявления. Она назвала: «Проход через служебный двор закрыт до пяти». С улицы за стеной никто не говорил, а на записи все равно было слышно, как скребет шов пальто по спинке. Я показала ей. Она сняла пальто, положила на колени и сказала ту же строчку. Теперь слышно было, как невдалеке из батареи уходит воздух. Заведующая засмеялась. Пальто обратно не надела.

— Если человек не захочет вот так?

— Сядет где сам захочет. Например, к батарее.

Я только что собиралась сказать «я его усажу», и в горле остался первый звук. Мы переставили стул ближе к низкому детскому, на котором лежал чей-то шарф. Записали еще раз. На этот раз я не стала включать проигрывание. Это был ее голос, хоть она и прочитала про служебный двор. Я спросила, удалить ли теперь пробу. Она сказала, что если технически можно, пусть лучше исчезнет. Я промахнулась по первой кнопке, второй получилось. Красное погасло. Заведующая дождалась, пока из списка пропадет ее проба. Запись с дочерью уже лежала отдельно, я туда не заходила. Так спокойно, что я перестала думать, будто кто-нибудь из нас должен восполнить потерю.

В заявке у меня осталось место для пяти первых встреч при четырех субботах и пары нерегулярных часов. Вписала четыре строки и одну не подписала. Муж в тот день не писал. Можно было прикинуть, на какую неделю хватит денег без займа, но телефон лежал далеко, и я впервые обошлась листком. Если за первую пропущенную субботнюю смену должны были заплатить сразу, придется взять вечернюю в другой день. До оплаты по договору все равно еще ничего не купить. Я расписала карандашом часы, которые могла отдать, но не послала никому. Сначала хотела убедиться, что сложила их правильно.

Заведующая наклонилась к листу. Выбрала первое утро и обвела цифру не ручкой, как раньше, а тем же карандашом. У нее на большом пальце осталась черная черточка. Она вытерла ее об край заявки, потом посмотрела, не надо ли мне исправить лист еще раз.

— Если кто-то хочет послушать перед тем, как решит насчет копии, я буду договариваться отдельно, — сказала я.

Она кивнула.

— Только у двери тогда не пишите фамилию того, кого ждете. Пишите, что подождать.

Я вспомнила бумажку, которую написала в понедельник после подписания договора. Я показала бумажку на стекле. Заведующая вышла и проверила с другой стороны, не отклеивается ли низ. Сняла старый кусок ленты. Новый прижала большим пальцем, там еще остался карандаш.

В приемной у газет я увидела человека, который раньше спрашивал, в какое время привозят субботний выпуск. Он держал лестничные перила двумя пальцами, хотя поднимался невысоко. Я не пошла перехватывать его на ступеньке. Дождалась, пока он сам подошел и развернул газету. Спросила, не хочет ли он принести какую-нибудь небольшую вещь, о которой семья еще помнит. Он посмотрел на мою руку, лежавшую рядом с его газетой.

— Я могу страшно далеко уйти от вещи, — сказал он.

— Далеко тоже можно.

Он хотел сперва решить, о чем вообще договорить, и взял только время. Не имя «первого участника» на двери и не обещание выступить. Когда он вышел, я спустилась следом выключить свет в кладовой. С нижней ступеньки было видно, как на стекле держится наша полоска бумаги. Угол чуть отставал. Я прижала его. Первый человек мог прийти, мог ничего не принести, мог сесть не туда. Я уже больше надеялась, что придет, чем что пройдет строго по строкам. В заявке вторая клетка осталась без имени, и я не поторопилась это исправлять.

Глава 7. Книги до пола

Чтобы получить малую комнату на весь день, надо было убрать туда соседний фонд. Чтобы получить ту же комнату на два часа, надо было, наоборот, выкатить фонд в коридор. Это мне сказали уже после того, как я пришла пораньше и протерла свой стол. Сотрудница стояла рядом в рабочем халате, держалась за спинку стула и ждала, какая половина дела меня больше расстроит.

— У лестницы в коридоре ставить нельзя, — добавила она. — К тем полкам после трех придут за книгами. Только вдоль окон.

Я посмотрела на окна: три высоких бочонка с зонтами, старые карты под стеклом и батареи. Для книг не оставалось ничего, если не передвигать карты. Сотрудница увидела, куда я смотрю.

— Не поднимай. У дальней рамы отошел низ. Вдвоем можно, одна расплющишь пальцы.

На тележку влезало по двадцать книг, но с двадцатью она не проходила через порожек. Я попробовала разогнаться, книги разом съехали вперед. Самый толстый том оказался у моих ног. Я присела, подняла его, и женщина, у которой болела спина, опустилась с другого конца тележки только затем, чтобы подобрать оторванный карман с бумагой. Я думала, она сейчас сделает мне замечание. Она подложила карман под широкий том, показала, как читать значок на корешке. До третьего рейса я перестала переставлять книги, которые казались старыми, отдельно от новых. Здесь сначала учитывали, откуда их снова брать.

К полудню остались две тяжелые стопки. Принесли школьный лист с названиями; ученик, ближайший к двери, размахивал им, пока учительница водила пальцем вниз. Я уже подвинула тележку к выходу, собираясь закончить. Сотрудница удержала тележку за ручку и без всякой обиды отстранила меня. Одному ребенку нужна была книга из самой нижней стопки. Мне оставалось время убрать эту стопку или дать им разобрать ее сейчас, а после сложить заново. В школьном листе уже были проставлены два номера с непонятными закорючками. Они сами знали, что ищут. Я отпустила тележку.

Когда зал освободился, до трех осталось два часа с небольшим. Сотрудница спросила, буду ли я брать комнату завтра целиком. Надо было просто вернуть все на место вечером и еще раз с утра. У меня ныло под правой рукой, но я могла кивнуть, чтобы первый день не выглядел неудачным.

— День не возьму, — сказала я. — Лучше короткий час, в который не надо будет никого выгонять.

Мы нашли один такой на следующей неделе, пока книги еще не возвращают на полки. Больше обещать она не стала. Днем я собиралась разобрать дома коробки и узнать, где сушить брюки. Домой пришла, когда хозяйка закрыла подсобку до утра. На второй день пришлось снова надеть мятые брюки. У первого собеседника уже было субботнее время. Теперь рядом с ним можно было написать еще один будний час, не двигая фонд перед каждым разговором.

Глава 8. Тридцать шесть клеток

В читальном кружке собирались закрыть шкафчик с книгами. Он стоял в бывшей трамвайной проходной, туда мог зайти кто угодно: взять книгу, вернуть, иногда ставить чуть влажные варежки на отопительную трубу. Его могли оставить на зиму, если двое людей вместе пересчитают полки, поставят подписи и распишут дежурства. Запиралось все одним тонким ключом. Двое читателей, которые прежде так и делали, не разговаривали с позапрошлой весны. Директор маленького зала дал им три дня, а потом собирался выставить шкаф на продажу. Женщина из кружка вспомнила, что я собираю семейные истории, и спросила, можем ли мы с ними «записать сразу всю правду». Посреди разговора вынула из пакета старую таблицу. В ней не хватало одной подписи, но фамилия уже стояла карандашом.

— Это его вы за него вписали? — спросила я.

— Это еще он сам. Потом ушел.

Я попросила объяснить, какую работу они теперь правда хотят сделать. Женщина разложила таблицу поверх моего блокнота. Назвала тридцать шесть книг, две потерянные карточки и необходимость решить, кто вправе спросить про конкретную недостачу. Вот про недостачу они и разошлись. Он привез книги в коробке, книжного списка тогда не составили. Она два месяца возмещала похожие из своего кармана, никому не сказала. Потом при всех поставила рядом с ним пустую коробку. Он решил, что его обвинили, а она уверена, что тащила коробку для упаковки купленных книг. Подпись, которую она приняла за поступок в сердцах, осталась последней. За все это время мужчина не приходил брать у них даже то, что принес сам.

Я могла бы записать ее сейчас и позвать его потом, чтобы получить вторую дорожку. Из них наверняка получился бы прекрасный кусок для показа: два совершенно разных конца одной истории. Но она пришла не за тем, чтобы услышать свою же историю в соседней комнате. Ей нужно было знать, заберут ли шкаф. Я спросила, позвала бы она его пересчитать книги, если бы говорить о той коробке не пришлось. Она подняла брови.

— А если не говорить, кому я объясню, откуда теперь новые книги?

— Ему можете сказать за себя. Можете не говорить. Можете не ждать его до следующей зимы.

Она взяла таблицу и сложила ее так, что второй столбец пропал целиком. Потом вышла в коридор, нашла на стене свободный крючок для сумки. Я видела ее только сбоку. Она дважды набирала номер, первый раз до вызова не дошло. На второй прошла по коридору к дальним дверям, чтобы я не слышала ответ. Вернулась более злая, чем ушла. Из папки выпала старинная закладка с вырезанным кружком, как из билета.

— Он придет смотреть книги, — сказала она. — Сказал, чтобы без микрофона. И без слов о коробке. Еще спросил, есть ли два стола, раз я не могу тихо держать ручку.

Я чуть не улыбнулась. Она увидела, усмехнулась тоже, только тут же передвинула мой блокнот на край, будто мне пора перестать отвечать. Два стола означали взять комнату на час, а своих часов у меня уже не оставалось. Позвонила заведующей. Она сказала, что у стены есть стойка, а свободная комната раньше пятницы не появится: в ней развешивают детские карты. Шкаф обещали убрать в четверг. Мне ничего не стоило попросить человека, который вывозит мебель, подождать. Но я его видела один раз. Вместо этого мы вдвоем пошли к бывшей проходной.

Шкаф не открывался полностью. Рядом поставили слишком широкое ведро, и правая створка терлась об обод. Женщина наклонилась, подняла ведро с водой и не стала искать, кто ему нашел это место. Я придержала дверь. На нижней полке лежало два тома с разной обложкой, перед корешками был один номер. Вывезти все до пятницы казалось самым простым способом больше таких вещей не находить. Я спросила человека с ключом от двора, можно ли

сохранить полки у них еще одну ночь, если мы сами освободим ему путь к машине. Он сказал: можете хоть на две, но освободить надо целый проход, не только шкаф в прихожей. Там лежали еще четыре пакета, и никто прежде не думал, что внутри.

Я отдала свой вечер. Позвонила на работу, где мне обещали два платных часа у стойки, и отказалась до того, как их вписали в лист. Работница спросила, когда можно снова предложить. Я посмотрела на шкаф и сказала, что на этой неделе уже не надо. В пятницу после обеда я собиралась в библиотеку набросать, что скажу перед первой записью; теперь придется сделать это дома. Женщина из кружка подхватила одну ручку у пакета. Я взяла другую. Внутри было гораздо тяжелее, чем обещали книги. Когда высыпали содержимое на дальний стол, оказалось, что кто-то сложил к книгам два кирпича, чтобы они не перегибались в дороге. Ни она, ни я не сразу решили, куда поставить первый.

Глава 9. Первый слушатель

Первым пришел человек с катушкой белой нитки. Он так и сказал: «Это вся история, Инесса. Больше у меня ничего нет». Я убрала из середины стола вымытую утром чашку, чтобы катушка стояла ровно.

— Из швейной машины? — спросила я.

— Нет. В почтовом отделении нашли, когда закрывали.

Он сел не за стол, а на низкий детский стул, который я поставила у батареи для сумок. На мебель взрослого размера посмотрел и не пересел. На нем был свитер с застежкой под самым подбородком. Колени чуть ли не упирались в пол, ему явно было неудобно, но спрашивать, зачем он так сел, я не стала. Поставила другой стул поближе. Через минуту он передвинулся сам.

— Вы же хотели про чью-нибудь семью, — сказал он. — Сами у меня спросили, когда я приходил за газетами. Я подумал, у нас могли быть доказательства поприличней, но сначала нашлось это.

Достал из того же кармана карточку с телефонным номером и положил перед собой. Я взяла карандаш, чтобы поставить на листе напротив первого вопроса галочку: вещь на столе, человек рядом. Зажим на листе скрипнул. Гость убрал телефонный номер под катушку, будто боялся, что я запишу его прежде рассказа.

Эту нитку покупали на все отделение: перевязывали бандероли, если не находилось шпагата. Его отец работал неподалеку и ел там в перерыв возле стеклянной перегородки. Не служил на почте, не носил форму, но умел чинить маленькую дверцу от ящика так, что не приходилось звонить в контору. Дома они с отцом едва успевали пересечься: отец любил вставать рано, сын отсыпался после занятий. Зато в отделении встречались часто. Там двери открывались вовнутрь, и можно было поставить ногу так, чтобы не ушел никто из собеседников.

Я подумала, что речь, скорее всего, про хороший способ проводить время вдвоем. На листе у меня был вопрос: «Когда вы впервые поняли, от кого это унаследовали?» Хотелось его вычеркнуть, пока человек не заметил, как мало я умею спрашивать.

— Когда переехали, — сказал он, — отец все уверял, что откроют новое отделение. Я ездил туда за ним. У старого уже сняли вывеску, а он говорил: «Давай заедем, надо посмотреть, не привезли ли ящики». И каждый раз тащил в машине отвертки.

Я перестала писать.

— Не открыли?

— Открыли. На другой улице, с электронными замками. Я его туда водил, там еще хлеб продают. Он сам попросил больше не ездить. Не хотел, сказал, смотреть, как я покупаю в его почте хлеб.

Гость дотронулся до катушки, и она упала на бок. Он поднял ее и постучал донышком. Я ждала, что он улыбнется над отцом. Но он повернул катушку дном вверх и положил на стол. Я увидела на ней черный крестик.

— Тут дело не в том, что я от него чего-то не получил, — сказал он. — Я его не спросил, нравилось ли ему, что я устраивал те поездки. Я бы не выдержал, если бы он сказал, что ездил ради меня.

За стеной дважды передвинули тележку с книгами. Первый раз скрип был короткий, второй длинный, с глухим ударом одного колеса. Время, отведенное на запись, почти вышло; я рассчитывала проводить гостя до обеда и забежать в магазин перед его обеденным перерывом. Палец сам встал на кнопку. Гость заметил.

— Вы хотите, чтобы я договорил?

Вопрос был так прост, что я не поняла, от чего мне понадобилось оправдываться. Деньги за запись не менялись от ее длины. Он не знал, что я собираюсь в магазин. Для цикла я никого до него еще не записала. Проба с дочерью лежала отдельно, и показывать ее я не собиралась.

— Да. Сегодня могу еще посидеть до двенадцати двадцати, а потом мне надо уйти. Но если хотите, вернемся к этому во вторник. Только скажите, какие из двух минут сейчас ваши.

— Обе, — сказал он. — Но лучше во вторник.

Я выключила прибор. Гость убрал катушку в нагрудный карман, потом достал и положил ее обратно на стол, на этот раз ближе ко мне. Я начала объяснять, что мы можем сделать фотографию, оставить вещь на время, взять подпись для каталога. Он еще ни на что не согласился. Я замолчала, пока он не застегнул свитер.

— Я все равно забуду ее у вас, — сказал он. — Только положите куда-нибудь так, чтобы я первым нашел.

После его ухода я убрала катушку в ящик и не стала класть сверху свою папку. Потом на отдельном листке для себя написала время вторника и три слова, которые хотела у него уточнить. Два слова были о почте. Третье я оставила отдельно: «Нравилось».

Владлен написал, когда я уже закрыла дверь. «Сегодня табличку сняли?» Я посмотрела на слова «Пожалуйста, подождите за дверью» на стекле. Забыла. Кто угодно мог бы пройти мимо пустой комнаты, решить, что придется ждать, и сесть у батареи на этот детский стул. Я отлепила бумажку с одного края и сфотографировала, как та свешивается. Владлен прислал такую же бумажку на дверях чужого помещения с одним словом: «Занято». Потом написал, что идет домой мимо остановки, где мне примерно в это время нужен автобус.

Мне опять хотелось объяснить, почему я почти уехала. Но я стояла у двери с полосой клейкой ленты между пальцами и могла очень просто сказать, где нахожусь.

«Еще в библиотеке. До автобуса семь минут. Если вы не спешите, пойдем вместе».

Я отправила, не закрывая окно сообщения. На этот раз снова посмотреть на экран захотелось почти сразу. Не потому, что можно было отредактировать отправленное. Мне совершенно не хотелось его редактировать.

Глава 10. До следующего автобуса

На улице Владлен шел так быстро, что отстегнулась застежка на моей сумке, пока я пыталась поспевать за ним. Хорошо, что в ней лежали карандаш и одно яблоко. Яблоко выкатилось на середину тротуара. Мы стояли по разные стороны от него, и каждый ждал, когда другой перестанет идти.

— Вы хотите успеть? — спросил он.

— Да нет. Вы куда-то опаздываете?

— Я думал, это вы хотите успеть.

По улице проехал мой автобус. На нем спереди светилась цифра, а на заднем стекле оставили две сухие дуги дворники. Я посмотрела, как он отходит от остановки, и спокойно подняла яблоко. Оно стало с одного боку мокрым и годилось только в тарелку с водой. Я снова сунула его в сумку.

— Следующий через полчаса, — сказала я.

— Тут есть хорошая столовая. Но я, если что, могу просто проводить.

— Я уже обедала.

Этим утром я ела хлеб прямо над раковиной, еще когда боялась опоздать к первому собеседнику. Владлен кивнул, поправил ремень у себя на плече. Как только я подумала, что сейчас он со мной попрощается, мне стало досадно. Полчаса были совершенно пустыми. Я могла их провести где хочу и уже два раза отказалась от того, чего хочу.

— Я не обедала, — сказала я. — Я просто не знаю, что у них в столовой.

— Я тоже, — сказал он. — Я там вчера ел только пирог.

Мы свернули во двор. На двери была эмалированная табличка «Столовая» с не совсем отмытой верхней половиной. Под ней листок: «Пирожки по пятницам». Была суббота. Мы оба прочитали это и зачем-то толкнули дверь. Внутри стоял мужчина с тремя стульями в руках. Поставил два друг на друга и один прижал животом.

— Сегодня уже закрыли, — сказал он. — Плиточники разобрали плиты. Обычно мы по субботам до двух.

Владлен спросил, продается ли где-нибудь пирог вчерашний. Мужчина долго на него смотрел. Потом сказал, что пирог вчерашний, если у кого-то и уцелел, то дома. Я вышла первой. Полчаса можно было потратить и хуже. Вернее, я могла бы до сих пор стоять у двери библиотеки и стряхивать с пальцев липкую ленту.

У павильона за дорогой разливали в бумажные стаканы кофе. Бумажных стаканов было много, крышки остались только одна большая и одна маленькая. Мы взяли без крышек и сели на скамейку, где кто-то заботливо сложил рекламную газету вдвое и подсунул под сиденье. Владлен разложил ее, чтобы мне было сухо. Я села и тут же обнаружила, что держать стакан двумя руками гораздо удобнее, чем придумывать, о чем спрашивать мужчину на скамейке.

— У вас звук всегда получался? — спросила я.

— Нет. А у вас люди всегда начинали говорить?

— Да. Заканчивали не всегда.

Он улыбнулся, но ответа не придумал. Я смотрела на нашу обувь. На его ботинках шнурки едва умещались на месте, а свои новые стельки я ощущала каждый раз, когда двигала пальцами ног. Из всех мужчин этому меньше всего была нужна история о том, кто мне поменял стельки. Оттого как раз хотелось рассказать.

— Я в школе первое выступление записывал, — сказал он наконец. — Потом выяснилось, что дома думали, будто я весь концерт отдуваюсь на сцене. А я стоял за занавесом с коробкой. Мать потом спрашивала, не стеснялся ли я спеть. Я говорил, что стеснялся. Врать не надо было, я в самом деле боялся бы выйти. Но она лет семь думала, что меня туда не пустили.

— Почему не сказали, что сами выбрали?

— Она мне купила белую рубашку, — ответил он. — Хотелось, чтобы покупка была не зря.

Он сказал это строго, будто разбирал тихий голос, который еще можно усилить, если решить, что за звук рядом. Я допила кофе. Я надеялась, что кофе уже остыл, и обожгла губу. Владлен вынул платок из кармана. Не протянул мне сразу, а спросил, есть ли у меня салфетка. На его платке я увидела мелкие синие квадраты. Отчего-то от этой подробности я растерялась сильнее, чем от кофе.

— Ничего, — сказала я. — Сейчас пройдет.

Мы сидели еще немного. Он рассказал про дочь. Про себя сказал, что ему недавно исполнился пятьдесят один год. Она жила далеко, купить ему в этот город билет умела лучше, чем он сам. Он иногда покупал другой билет только затем, чтобы приехать позже и застать не середину рабочего дня, а вечер, когда она свободна. Не просил у меня совета, как убедить взрослую женщину иметь собственный вечер. Сказал, что иногда у него все равно не получается, и убрал пустой стакан из моей руки только после того, как я вытянула ее к урне.

Когда из-за угла показался автобус, я могла встать и поблагодарить за кофе. Вместо этого спросила, хочет ли он как-нибудь поужинать. Выражение «как-нибудь» прозвучало так широко, будто можно было подождать и два года. Я добавила:

— В пятницу. Не в этой столовой.

— В пятницу хочу, — сказал он. — Я освобожусь в семь. Ты сможешь?

Первое «ты» у него вышло ровно. Я кивнула, а потом сказала «смогу» слишком громко, как будто между нами уже начал шипеть автобус. Он еще не подъехал.

Владлен поднялся вместе со мной. Я взяла его за локоть, собираясь указать на что-то по другую сторону улицы. Ничего показывать не пришлось. Он спокойно позволил мне держать локоть, пока мы шли к остановке, и под самый конец положил свою ладонь поверх моей. Поднимаясь в автобус, я не обернулась. Засунула телефон во внутренний карман, чтобы не проверять, написал ли он что-то дополнительно. Я уже знала, что хочу сказать сама: в пятницу у меня есть время не потому, что работа оказалась недолгой.

Глава 11. Половина свободного часа

К доске расписания прикрепили мое объявление вверх ногами. Раньше у меня любой лист на общей доске сразу превращался в жалобу: мою работу не заметили, не прочитали, опять все сделали так, чтобы я подошла сама. Теперь сперва я увидела в отражении собственную голову и сообразила, что объявление изнутри держится на двух круглых магнитах. Тот, кто поставил их в ряд, мог заняться этим между двумя другими делами. Я передвинула магниты. Верхняя строка снова стала вверху, а возле нее, под углом, обнаружился лист с нарисованными стульями. Я подумала, что это расписание шахмат. На уроке рисования дети изображали то, что им мешает. Одному мешал стул на проходе, другому стул, на котором никто не садится.

На стойке зазвонил служебный телефон. Свободная рука библиотекаря описала в воздухе круг, показывая, что она подойдет ко мне позже. Я ждала только подтверждения на два обычных часа. Самой мне некого было записывать сегодня. Пока стояла, решила пройти к запасной лестнице и убедиться, что ящик, в который я убрала катушку, не загораживает проход, когда выдвинут. Насчет первого состоявшегося разговора меня беспокоило не столько содержание, сколько то, что придется открыть дверь еще раз и так же сесть напротив. В голову уже лезли хорошие вопросы, которыми можно перебить. В понедельник можно было их черновым списком отнести на работу и снова ощутить себя человеком с планом.

На площадке я увидела Владлена. Он сидел на полу возле открытого низкого ящика. На колене держал бумажную полоску, под нею тянулся темный рулон. Из ящика пахло сырой тканью. Я остановилась высоко, на последней сухой ступеньке. Издали он, наверное, решил, что я сюда пришла за ним. Такое действительно можно было предположить. Когда он увидел меня, я успела приготовиться сказать, что в комнату вообще не собиралась.

— Пленка рассыпается? — спросила вместо этого.

— Это не пленка. У вас тут лента от старого аппарата приклеилась к утеплителю. Я следующий слой снимать пока не хочу.

Он протянул мне край только тогда, когда я спустилась к ящику. Пальто на нем было застегнуто неправильно, нижний край с одной стороны ушел выше. Я вспомнила нашу остановку и то, что уже есть пятница вечером, когда он освободится и я не передумаю в последний момент. Хотелось не затевать до пятницы других приятных минут. От них ведь потом легче отказаться от целого часа: «Мы и так виделись». У меня с бывшим нехватка времени постепенно так и называлась. «Ты ведь ко мне утром заходила». В четыре утра в самом деле могла заходить и попросить подвинуть подушку. Мы начинали считать встречей движение мимо чужого края кровати.

Владлен подставил под склеившийся угол плоскую бумажку. Попросил рядом придержать крышку, пока освобождает ленту. Я держала. Он попытался вытянуть край, остановился, выругался тихо, не при мне. У него рассохся шов на большом пальце перчатки, оттуда выступала половина ногтя. Тогда он переставил бумажку и попробовал не тянуть, а повести ее по кругу. Темная полоска сошла с утеплителя не сразу. Последний сантиметр пришлось оставить. Владлен не обещал, что еще дойдет до конца. Третью попытку не сделал.

— Если захочешь посмотреть, что здесь записано, — начала я и не закончила.

— Сначала надо узнать, кто вообще оставил, — сказал он. — Может, тут песни, может, старое собрание. Тебе показывать зачем?

Я не сказала, что мне для интереса хотелось услышать музыку вместе, если это музыка. Ни одного человека из этой ленты мы могли не знать, зато мне уже нравился звук, который здесь по теплым доскам издавал его ботинок. Он перекашивал стопу, чтобы не защемить пальцы, а я держала крышку чуть выше, поскольку так удобнее обоим. Меня вдруг одолело

настоящее желание эту крышку опустить. Посмотреть, останется ли он возле меня хоть минуту без вещей, которыми надо управляться вдвоем.

— Я спрошу другое, — сказала я. — У тебя есть сейчас полчаса?

Владлен перестал двигать бумагу. Посмотрел на часы. Минутная стрелка почти стояла вертикально. Я уже готова была взять вопрос обратно: «Хотя нет, ждать меня не надо». Он перевернул руку и посмотрел на цифры второй раз.

— Если я уйду сейчас, последнюю коробку оставят дежурной. У нее спина. Я не хочу делать так, будто не знал. До пятницы то, о чем говорили, остается?

— Остается.

— Тогда сейчас у меня минут пять. Могу только не уйти до звонка.

Мало было бы только для человека, который пришел именно за полчасом. Я хотела увидеть, получится ли сидеть рядом без крышки в руке. Я опустила крышку. Владлен встал сразу, подался было в коридор, потом сдвинул ногой две пустые коробки и дошел до оконного выступа. Прислонился к стене и вытянул перчатки за пальцы. Одну с дырявым швом положил рядом. От окна в живот тянуло холодом. Внизу мы видели половину лавочки и два мокрых рюкзака: дети наверняка оставили свои вещи у входа к шахматам, потому что не надо за собой носить весь день.

— Я каждый сентябрь теряю самые неудобные перчатки, — сказала я. — Удобные храню лет восемь.

— Как ты их теряешь? Я теряю все одинаково.

— Не засовываю вместе. Домой возвращаюсь с одной, вторую оставляю в маленьком кармане сумки, потом сумку увожу к сестре или кладу на антресоль. Весной очень приятно найти скверную перчатку: значит, больше не обязана ее надевать.

Он оглянулся на меня. Я выпустила левую руку из рукава и показала, где у меня вечно топорщится обшлаг. Он совсем чуть-чуть подвинул свою перчатку ко мне. Я увидела штопку под дыркой. Прошлый шов был ровный, а свежие нитки разной толщины. Он, оказывается, умел ремонтировать самое нужное неровно и не стесняться. Потом сказал, что пришивает грубой рыболовной леской, если перчатка промокает от снега, я сказала, что от лески под пальцем бывает жестко. Мы не выработали общий способ стирать и чинить. Только стояли рядом. Я иногда поглядывала на нижний выступ: держится ли еще там чужой рюкзак. Хочется же выбрать предмет, который выдаст, сколько времени ты уже совершенно не собираешься уходить.

По верхнему коридору прошли двое и позвали Владлена по отчеству. Он чуть наклонил голову и поднял перчатку. Я передвинулась, чтобы пропустить. Он не объяснил им, что мы важное обсуждаем. Спросил, может ли написать после того, как управится, или мне будет поздно. Я сказала, что могу ответить завтра, если буду спать. Мне действительно хотелось ответить, но я не собиралась ставить будильник. Я видела, как он принял это всерьез, не как шутку, и убрал телефон в карман.

Когда Владлен поднял крышку, чтобы передвинуть ремень, я увидела бумажный угол. Кто-то прикрепил к пакету старые фотографии скрепкой, и железо оставило возле белой рамки рыжую точку. Я потянулась ее поднять. Владлен заметил движение, но ничего не сказал. Я сама убрала пальцы. Ему велели забрать туда, где дальше могут найти владельца. У меня была мысль: хорошая вещь, чтобы показать, как архив становится живым. У фотографии, вполне возможно, была другая судьба, какой я не замечу, пока смотрю на ржавчину.

— А тебе нравится это делать годами? — спросила я, пока он защелкивал ящик.

— Не все. На прошлой неделе мне предложили спасать кассеты на шумном заводском празднике. Назвали хорошую сумму. Я спросил, будут ли там вообще слушать то, что сохранят. Сказали, не мое дело. И я решил, что у них без меня прекрасно получится.

— А если правда не получится?

Он посмотрел на пуговицу собственного пальто, вынул ее из не той петли. Только с третьего раза застегнул правильно.

— Я бы за ту сумму пошел, если бы не спросил.

Я рассмеялась. У него получилось так же резко, как у меня в первую субботу, когда стол покачнулся. Мы не стали сразу разговаривать о том, сколько кому теперь не хватает. Но я увидела, что он может не взять работу и потом еще по дороге мысленно ее выполнять. До этого он казался человеком, который заранее все узнал, и если уже не пришел к восьми, то где-то сделал более точный выбор.

Когда коробки вынесли, я еще успела к заведующей за строкой расписания. Она вклеила одну бумажку и забрала другую. Все получилось короче, чем ждать. Я посмотрела на свои часы: минута до автобуса, если бежать мимо площадки. Можно было успеть, но вечер от быстрого автобуса не удлинился бы. Я осталась записать в журнал два времени, действительно принятые на неделю. Третье зачеркнула, пока никто не заполнил его за меня. Потом вышла через переднюю дверь, подняла упавший детский рюкзак за лямку и повесила на ручку. Чужие вещи я трогала только ровно настолько, чтобы они не промокли. Свои руки спрятала в карманы, не вынимая телефона. До пятницы вдруг осталось совсем немного.

Глава 12. Служебная пауза

На линии при экспедиции меня любили ставить возле большого окна, откуда видно переход. До двери склада от нас было десять шагов по коридору. Если кто опаздывал, я его замечала раньше начальницы и успевала освободить стул. Теперь я сидела спиной к окну, потому что на старое мое место пересадили девушку, у которой плохо работал свет. Начальница не сказала, что свет плохо работал у нее. Сказала: «Тебе самой будет спокойнее». Наверное, решила, что я все еще высматриваю машину бывшего.

За длинный звонок у нас уже не отнимали часть премии. Теперь укорачивали перерыв всей смене, если на линии скапливались ожидающие. Почти одно и то же, когда в перерыв кто-то собирался отвести ребенка к репетитору. В понедельник человек позвонил насчет недостающего груза и пытался объяснить, что коробок у него две, а недостает одной. Я посмотрела на часы и спросила, видит ли он наклейку сверху. Он сказал, что сверху кот. Я думала, что шутит. Он правда стоял возле коробки, из которой кто-то выглядывал, и ждал, когда можно будет отодвинуть его вместе с крышкой.

— Не надо двигать, — сказала я. — Можно прочитать сбоку?

— Сбоку моя подпись. Я поэтому и звоню. С меня взяли подпись за три.

Последний раз, когда я слышала такую интонацию, дочь сказала мне, что спала в квартире отца. У меня было чувство, будто человек уже много раз показал, где надо смотреть. Я замолчала, пока он не произнес конец. Потом нашла в соседней строке вторую машину. Третья коробка действительно была у водителя, который возвращался совершенно с другого конца города. Мне понадобилось еще три минуты, чтобы дозвониться ему и получить простое «да». На линии тем временем ушли два звонка.

Начальница после обеда сказала, что должна отметить ошибку: я слишком долго держала звонок на линии. Я предложила ей прослушать последние две минуты, не первые. Она отказалась, сказала, что не начнет проверять меня по одному случаю, иначе остальные попросят то же. У нее были следы от очков в двух местах на носу. Я вдруг ясно поняла, что мы можем обе упереться и до конца дня не выяснить, стоило ли людям держать у телефона кота.

— Тогда выставляйте ошибку на меня, — сказала я. — Только не убирайте общий перерыв.

— Я его уберу, если смена не обработает норму.

На соседнем месте мне оставили порцию супа в кружке, чтобы я не занимала микроволновку. Я взяла кружку и вышла на ступеньку с обратной стороны перехода. Там было холоднее, но по ступеньке никто не шел. От совсем короткого перерыва почему-то оставался один долгий глоток. Я никому не рассказала про библиотеку. Не потому, что боялась услышать, что мне уже поздно делать другую работу. Просто не хотела защищать ее от людей, для которых пока еще важен общий перерыв.

Перед концом смены начальница подошла еще раз. Поставила рядом с клавиатурой листок свободных часов. Если доберет народ на субботы, в будний день можно поменяться. Предложила мне назначить себя. Я увидела там четыре субботы и вспомнила комнату у окна. На всех четырех могли заработать не только мои коллеги. Я перевернула листок, записала два будних промежутка и отдала обратно.

— В субботы у меня уже другой договор.

Она сказала: «Удачи», — и взяла листок. Через полчаса я услышала, как предлагает субботние смены другому человеку. Он согласился на все четыре. Я подсчитала деньги, которые успела не заработать, и на этот раз не придумала, откуда взять больше. На завтра мы уже договорились с человеком, который принес катушку. Он решил вернуться к рассказу о почте, и мне надо было успеть к нему после работы.

Глава 13. Две отметки

В тот же понедельник, за двадцать минут до конца смены, на линии позвонили от загородной проходной. Женщина сказала, что ей привезли газеты, а все ящики для районного кружка остались в машине. Машина переехала на другой въезд, там водитель сейчас заполнял лист за вчерашний день и не брал трубку. Женщина назвала общую строку накладной, потом другую, где было ее имя. Из большого номера у нас можно было вынуть ровно один маленький. В таких случаях я ставила в каждое поле галочку, потому что разобралась, где чей заказ. До ворот я поэтому ни разу не дозванивалась после того, как поняла, кто прочел не ту строку.

На соседнем месте сменщица уже убрала кружку в сумку. Не уходила: ей два дня подряд пришлось брать остаток после меня, теперь она ждала, сколько работы я оставлю ей сегодня. Я могла поставить «в работе» и оставить все ей. Не хотелось. Пообещала женщине, что сама дам знать, к каким воротам подойти, потом набрала водителя и попросила дождаться ее у боковых ворот. Он ответил, что выедет именно туда. У меня прямо перед глазами высветились две кнопки: «перенаправлено» и «получено». Первую мы нажимали редко: возле нее всегда надо было добавить, кто подтверждает выдачу на месте. Я нажала вторую. Водитель так скупо говорил по телефону, что я больше не хотела его ловить и что-либо уточнять.

В свободной строке появился звонок про чехол. Я подхватила и его. Через пять минут вышла к своему пальто, заранее попросив соседку подвинуть заслонку на телефоне. Она встала, подвинула, только потом позвала меня по фамилии.

— У тебя по проходной выдача подтвердилась?

— Он поехал.

— Это не ответ. Говори, что написала.

Я сказала, как есть. Сменщица подняла одну руку и несколько секунд не опускала. У нее звонила линия, вторая рука уже оказалась на кнопке. Ей бы сейчас уйти: у сына сегодня пробный урок, родители приходят на последние десять минут и смотрят, не жмет ли что-нибудь. Она первый раз нашла, кто довезет мальчика, а свой автобус уже, похоже, упустила. Как влияет один поздний звонок на чужой урок, я прежде знала только в обратную сторону, когда сама переставляла стул, потому что от офиса не оторваться.

— Я вернусь на свой, — сказала я. — Если еще успеваешь, иди.

Она натянула рукав. Сказала, что сегодня уже не успевает. Позвонила соседке, попросила забрать сына после урока по прежней договоренности. Мне предложила самой звонить на проходную. Не обещала, что в другой раз все равно доверится моей отметке. Я пошла к своему месту и снова открыла строку, на этот раз вместо того, чтобы поскорее от нее отделаться, поставила «не подтверждено» и оставила себя на линии.

На проходной восемь минут никто не брал трубку. За эти восемь я могла бы перейти улицу и забрать приготовленный ужин, заказанный, чтобы не идти домой через магазин. Когда ответили, оказалось, что водитель поехал ждать на правильное место, но табличку с кодом выдачи увез с собой в папке. Я дозвонилась до него еще раз. Водитель вернулся с папкой, у проходной нашли коробки, женщина их приняла. К этому времени обещанный ужин уже не выдавали: выкупленную порцию через час отдают на вечернюю витрину, я сама так попросила, когда звонила утром.

Я выключила свой телефон позже сменщицы. Пока та пересчитывала мелочь на такси, я предложила перевести ей половину. Она отказалась. Такси ей больше не нужно, сына заберут. Мне хотелось хотя бы чем-то закончить этот вечер, она моего окончания не ждала. Вместо него спросила, могу ли к следующему дню достать исправленный лист. Перед тем как уйти, вернулась к напечатанной распечатке, поднесла ее к свету и показала, где поставить две разные

отметки. Ей не нужен был мой хороший почерк. Нужно, чтобы завтра следом за мной за эту строку не сел третий человек и не решил, что поехал и доехал здесь означают одно.

Глава 14. Час не обменивали

На следующий будний день я принесла сменщице исправленный лист. Положила его под клавиатуру. Она не потянулась, пока не ответила женщине, которая искала потерянный плед. Ответила коротко, но успела спросить, есть ли на концах синяя нить. Плед оказался не синего цвета, а кармашек на чехле она по описанию нашла быстро. Женщина в трубке засмеялась и сказала, что да, нить синяя, ее вязала мать. Потом сменщица достала мой лист и прочла снизу, хотя там ничего не было. Я ждала, что скажет «так правильно».

— Теперь понятно, чего ждать у проходной, — сказала она. — Ждать вчера все равно пришлось.

Я предложила взять один ее час в среду. Она посмотрела прямо на меня, не на табличку. Именно в среду ей сейчас мало часа. На уроке, на который не попала, сын перепутал обувь, а к концу сказал, что в группу больше не пойдет. Она еще не знает, возьмет ли его в другой зал. Если зайдет туда раньше, сможет узнать цену на месте и потом поговорить с ним; когда зал открыт, я не свободна. Можно было предложить в пятницу, у нее там и так есть с кем поменяться. Я обыскала глазами середину листа. Мне хотелось, чтобы мы все-таки записали рядом наши два имени и стало видно, что вопрос закрыт.

— Так что мне делать? — спросила я.

— Не ставь меня на следующий звонок, пока сама еще можешь его закончить.

Говорила без резкости. Потом попросила у меня нож: у нее слиплись два листочка, их можно было подцепить не сбоку, а из середины. Я выдала нож и впервые за две минуты не готовилась спорить. Под стаканом у нее лежал рекламный входной талон с картинкой детей наверху. Она не просила посмотреть. Я отвела глаза, чтобы не узнать то, чего она сама еще не говорила.

К обеду пришла старшая. Лист с раздельными отметками она хотела взять, но только для двух мест, где спускают остатки после закрытия. Официальные поля без начальства менять нельзя. Мы могли вместо этого добавить карандашную пометку на столе у каждого человека, а если работа пойдет, старшая поговорит с тем, кто отвечает за форму. Сменщица предложила попробовать без карандаша: в общем окне оставить короткое слово «ждем», не ставя двух галочек. Это всем видно сразу, не нужно ходить за листом. Старшая спросила, кто попробует. Я подняла руку, и сменщица тоже, но не ко мне. У нее в конце дня был другой заказ, откуда всегда сначала подтверждают коробку, а в понедельник заказ еще не открывали. Она хотела проверить слово именно там.

На первой же строке новое слово не влезло целиком, в узкой графе виднелись только две первые буквы. Я повернула экран от себя, чтобы сменщица подошла, и спросила, что она видит со своего места. Она сказала: я вижу «жд», а дальше сама себе придумала, что это может быть железная дорога. Пришлось расширить графу за счет старой отметки, где принято ставить фамилию человека, который звонит. Старшая чуть не запретила обеим: фамилия нужна не для красоты. Мы нашли угол, где целыми были и фамилия, и слово. У меня со своей стороны уже не получилось увидеть второе поле без очков. Надела.

До конца дня сменщица два раза ставила это слово и оба раза оставляла у себя номер до ответа. Во втором случае получила готовую накладную на следующее утро; когда я пришла, она показала мне свою отметку. Номер закрыла сама. Она прибавила громкость в трубке, слушая голос, а мне показала только строчку возле своей. Что до вчерашнего часа, она его в расписание так и не поставила. В конце смены нам надо было отнести бумагу дальше. Я взяла сумку и свой лист, она взяла исправленный. По коридору мы пошли вместе, не в ногу.

Глава 15. Голос не похож на мой

В пятницу женщина, которая до выхода на пенсию торговала на рынке, принесла в библиотеку железный счетчик. В нем было окошко на четыре цифры. Если нажать на рычажок, менялась последняя цифра. В среду она считала им ящики, пока мы записывали разговор, и на слове «двадцать» нажала всего один раз. Говорила, что сейчас все считают деньгами, а раньше можно было считать, например, чужими руками: три человека с одного ряда помогут перенести, четвертый уже обедает. В этот раз она пришла послушать свою запись.

Послушав десять секунд, она сняла наушники. Нажала на рычажок счетчика. Тот сухо щелкнул.

— Это кто?

— Вы.

— Я так не говорю. Как будто продавщицу в кино изображаю.

Я думала, ей не нравится тембр. Многие говорили, что в записи голос кажется тоньше, чем изнутри. Я стала это объяснять. Она дождалась, когда я закончу, и снова пододвинула наушники к середине стола.

— Послушайте сами. Я когда рассказываю, что соседка мне два ящика не вернула, вздыхаю вот так. А тут как будто выжидаю, пока ее осудят.

Она набрала воздух и выдохнула. От этого лоб у нее разгладился, а плечи чуть опустились. Я включила то же место и услышала, что в записи она, наоборот, почти не дышит. После паузы звучало не вполне завершенное «потом она». Продолжение начиналось уже другой фразой: про мальчишку, которого они обе в пять утра кормили пирогами. У меня не было никакой склейки, но я каждый раз смотрела во время записи на таймер и могла перебить ее у самого перехода.

— Что было после «потом она»? — спросила я.

— Откуда я знаю? Я хотела, может, сказать, что ящики мне были не нужны. Ну а если вам надо, могу сказать теперь.

— Хотите, включу?

Она коснулась наушников, и мы несколько секунд сидели, взявшись за них обе. Потом она сказала, что не на сцене пробуется, чтобы хорошую интонацию подобрать. И добавила, что в прошлый раз я попросила ее рассказать «покороче», потому что за ней уже ждали.

— Было так? — спросила я.

— Да, и вы правы были. Там женщина сидела возле нашего горшка, пальто не сняла. Я думала, из-за меня волнуется.

Сырая запись оставалась целой. А мое «покороче» уже успело изменить ее рассказ. Я принесла две кружки и две бумажки. Сначала хотела написать на бумажке «после» и «до». Потом на одной написала «без ящиков», на другой «с ящиками». Показала, где начинается история о мальчике, и дала послушать отдельно. Вариант без ящиков показался ей похожим на поздравительную открытку.

— Мы ему и правда пирог давали, — сказала она. — Только я брехала, что домашний.

— Почему?

— Потому что соседка бы взяла себе настоящий домашний, если б я не сказала. Она в такие мелочи верила.

Женщина рассмеялась и сама нажала выключатель на приборе. На этот раз я не успела пообещать ей ничего хорошего. Только отодвинула от счетчика кружку, чтобы тот не намок. Мы договорились ничего пока не делать с этой частью и отдельно записать про то, куда делись ящики. Она могла отказаться от повтора. Я не стала заполнять пустое время еще одним собеседником.

Когда женщина ушла, я посмотрела на часы. До ужина оставалось больше часа. Я переоделась еще дома. Раньше эту кофту я называла нарядной без всякой охоты надеть, а теперь мне просто нравилось, как смотрятся руки в коротких рукавах. Я могла за это время забежать домой и поменять кофту на ту, в которой не боялась высунуть локоть из-за стола. Вместо этого осталась у окна и слушала свою часть записи. Рядом с чужим голосом я все время звучала так, будто вот-вот его поправлю, даже когда произносила слова «продолжайте, пожалуйста». Можно ли это исправить? Если да, мне не хотелось исправлять это ножницами.

Владлен пришел за десять минут до семи. Так и сказал: приехал заранее, а потом не нашел приличного места, где постоять лишние десять минут. У него за рукав зацепилась колючая веточка, он не заметил. Я отцепила ее и сунула в карман пальто. Теперь карман предстояло вытряхивать, но деть веточку в другое место как-то сразу не придумалось.

— Ты уже оделась, — сказал он.

— Я с утра оделась.

— Я не то сказал.

— То. Хорошее.

Мне очень хотелось спросить, зачем он надел непромокаемые ботинки, если мы идем ужинать и под ногами сухо. У него наверняка был житейский ответ. Я вместо этого спросила, что он любит есть вечером, и услышала, что не любит, когда ему наливают суп в плоскую тарелку. Он начал показывать, как приходится зачерпывать, чуть не задел локтем мой стул, и я, взяв сумку, утянула его наружу. В библиотеке было слишком тихо, чтобы дать ему закончить историю про плоскую тарелку.

Глава 16. Не третья пара рук

В другой день я разворачивала на рынке складной стол для библиотечного уголка, а женщина со счетчиком пришла купить две груши. Я заметила ее у крайнего прилавка, позвала через проход и сразу спросила, помнит ли она, с какой стороны у этого стола поднимается упор. Она подошла с пакетом в левой руке. Правую положила на край и сказала:

— Этого не помню. Этот стол раньше до конца сам не открывался.

Рядом грузили пустые ящики. Владелец прилавка предложил поставить мне стол за их загородкой, чтобы не таскать, и показал на женщину: она объяснит, кто может помочь. Я поняла, что он говорит так, будто она все еще за тем рядом следит. Она в это время выбирала, какую грушу хочет съесть первой. Наконец повернулась.

— У вас двое сейчас заняты, третий за машиной. Спросите у них. Я после трех на рынке вообще не работаю.

— Так это учет только, — ответил он. — Скажи хоть, какой из них свободный.

Она поставила пакет на стул, коротко дернула за край столешницы и отпустила. Стол раскрылся на ладонь. Для остального надо было держать его вдвоем.

Я раньше думала, что женщина распределит работу быстрее, чем успею их всех обойти. Можно было сказать, что мы просто берем привычную работу на минуту. Но у нее в пакете лежали две груши, ей было холодно, и она не хотела опять числиться за теми, кто знает, кому сколько не хватило рук. Я переставила стол обратно к входу. Пошла спрашивать сама. Один человек согласился поднять, если я дождусь его после выгрузки; второй сказал, что торгует, не выйдет вовсе. К дверям подъехал библиотечный фургон. Я позвонила водителю и попросила не ждать. Тот уехал, не помахал, хотя хорошо меня видел.

В четыре мы разложили стол прямо у входа. Помощник спросил, уносить ли его обратно. Я сказала, унесу, и поняла это только после того, как он ушел. Табличка на нем висела ровно. За оставшиеся сорок минут подошли два человека, один спросил, где точат ножи. Второй оставил библиотечную книгу, хотя вообще ехал до остановки дальше. Ни записей, ни набора людей у меня в этот день не прибавилось. За прокат складной тележки у хозяйственного киоска пришлось заплатить из своих. Я довезла на ней стол до библиотечного двора и вернула ее до закрытия. Еще по дороге, когда я прокатила ее мимо прилавка, женщина со счетчиком уже ушла. Я хотела потом сказать ей, что справилась, но она меня ни о чем не спрашивала.

Глава 17. Чужая очередь

В хозяйственном я долго выбирала замок. Большой блестел, но открыть его можно было, только придерживая дверцу ногой. Маленький открывался двумя пальцами. Чтобы проверить, я несколько раз прицепила ярко-красный ключ к собственной сумке. Продавщица посмотрела на меня с другого конца прилавка и сказала, что ключ на связке еще не значит, что товар куплен. Я убрала руку. Временной комнате новый замок не полагался; мне нужен был нормальный запор для металлической коробки в библиотеке.

В другой раз, у выхода из магазина, я увидела Владлена: у его тележки отломилось колесо. Не у машины. Он наклонился над железной тележкой возле кассы и крутил в пальцах мелкую белую шайбу. На тележке лежали две упаковки направляющих, уже оплаченные: чек подхлестывало воздухом.

— Могу подождать с тобой, пока дадут другую, — сказала я.

Он поднял голову. На лбу темнела полоса, как будто давно не снимал шапку, а на улице было еще тепло. Я хотела стереть полосу пальцем и не стерла.

— Они не дадут. Уже закрывают склад.

— Моя машина тут. Если влезут.

— Влезут. Только не хочу отвозить. Если не положу сегодня, посмотрю на них завтра, а сегодня они мне уже до смерти надоели.

Его раздражение было непривлекательное, неожиданное и совершенно не для меня. С ним легко было рядом в те минуты, когда наши разговоры кто-то уже обещал выручить. Теперь он стукнул колесом по углу стойки и попросил меня в ответ ничего не советовать. Я чуть не напомнила, что вообще ни о чем его не спрашивала. Потом отвела его чек от мокрого края: можно помочь или не помочь по-разному. Он сам поднес шайбу к лицу и увидел, что она несет на себе круглый срез, вполне новый. Если надавить, колесо встанет на посадку, а через шаг опять отпадет.

Я пошла обратно к прилавку и оплатила свой замок. Владлен в это время просил отложить пачки у стены до утра, без тележки. Продавщица согласилась, если Владлен сам перетянет пачки резинкой и подпишет их. Он не пошел за мной искать резинку. Вытащил из рукава тонкие перчатки, обвязал между собой манжеты и показал, как в любое время их развязать. Сделал сразу, чтобы не пришлось утром разыскивать человека, который знает. Табличку написал на обратной стороне собственного чека: номер и «две». Я смотрела, как он долго выбирает между резко попросить и сделать так, чтобы люди действительно могли помочь. Ему было не все равно, какой стороной смотреть на листок. В конце он сложил чек пополам, чтобы сумма не торчала в магазине.

— Ты обиделась, что я не захотел с тобой ехать? — спросил он на крыльце.

Я нащупала в кармане угол замка. Укол был маленький и довольно неприятный; можно было сделать вид, что это пуговица.

— Не на то, что не захотел. На «ничего не советовать». Я не успела начать.

— Успела предложить машину, а я уже думал, как далеко от рывка мне до хлопка крышкой. На тебя с этим полез. Извини.

Я думала дождаться продолжения: «Ты тоже». Его не было. С другой стороны, он не сделал и больших глаз, будто теперь обязан ехать со мной куда угодно. Я спросила, куда ему хочется. Владлен сказал, домой пешком по прямой. Я ехала в библиотеку, в другую сторону. Мы простояли у двери ровно время, за которое человек в тулупе снял с вывески наружный свет. Я вынула свой замок и дала ему на секунду. Он покрутил, подышал на холодное отверстие и вернул.

— Я купила то, что хотела, — сказала я.

— Хорошо открывается, — ответил он.

Теперь он ничего не предлагал за меня открывать. Я перевесила сумку на другое плечо и пошла к машине. Из-за стекла увидела, как он остановился возле витрины, в которой убирали ценники. Его можно было догнать на любом повороте. Я впервые решила, что не хочу догонять. У нас теперь получилось две отдельные дороги, причем обе выбрали мы, и мне хотелось, чтобы у каждой был конец, не объясненный вслед из машины.

Глава 18. Не по телефону

В следующий четверг муж освободил полку возле двери. Поставил на нее мои вещи: сумку с молниями, швейную машинку под крышкой и две рамки с фотографиями. Одну он снял с книжного шкафа, хотя в этой рамке был он, а не я. Я взяла ее в руки и смотрела, как на стекле проступают пальцы.

— Эту себе оставь, — сказала я.

— Ты ее сделала. Хочешь, вынь меня.

Он тогда еще носил на работу галстук, потому что покупал такие рубашки, которые без галстука на нем казались временными. На фотографии я как раз поправляла ему узел. Сама не попала в кадр, только рука возле горла. Рамку я подарила ему задолго до того, как мы стали хранить важные документы в разных местах.

— Оставь, — повторила я. — Правда оставь.

Я положила ее назад. В другой рамке все было проще: там дочь лет в девять поднесла к лицу большой помидор, который вырастила сама. Стекло попросила завернуть. Он пошел за газетой, а я заглянула в кухню из коридора и увидела, что в ней изменилось, пока меня не было. Он наконец переставил стол к стене. Стул, на который я любила поставить одну ногу, остался возле окна. Мне захотелось сесть, пока он найдет газету. Я не села. Осталась на месте и натянула перчатки, чтобы не трогать не свои дверные ручки.

— Мам, — сказала дочь со стороны кухни.

Я вздрогнула.

— Ты давно здесь?

— С утра. Мне папа дал примерить свои старые часы. Я жду, пока застежку поправит.

Она вышла в моих тапках, которые я забыла внести в список. На ногтях была прозрачная полоска, как будто она только что смыла лак и не заметила, что одна черточка осталась. Почему я сразу решила, что муж в самом деле попросил ее помочь с моими вещами? Как будто у них двоих не могло быть другого дела в этой квартире.

Дочь села возле машинки на корточки.

— Ты сама унесешь?

— Папа до машины поможет.

— А я бы взяла. У меня дома на шторах низ распустился. Я спрошу, правда, прежде чем брать.

— Что ты этим хочешь сказать?

Она медленно выпрямилась. В руке у нее была ручка чехла, но она тут же отпустила ее.

— Хочу сказать, что спрошу. Думала, ты ее с собой забираешь. Если нет, мне надо.

Я могла бы спросить у мужа, не жаловался ли он дочери, что я не впустила его. У меня уже была приготовлена мягкая версия вопроса. Я слышала, как спрашиваю его, где наша газета, а потом случайно добавляю: «Что ты ей рассказал?» В коридоре стоял красивый человек, которого семнадцать лет не надо было предупреждать, когда покупаю новую зубную щетку. Мне показалось, он прятался на кухне. Он просто искал газету.

— Мне пока негде ставить, — сказала я. — Забери недели на две. Только смотри, не тяни ткань на себя, она у меня ведет влево.

— Хорошо. Хочешь, сниму на телефон, как пользоваться?

— Я лучше покажу, если захочешь.

Муж вернулся с бумагой, закрыл фотографию так, чтобы кусок оборванной строки не пришелся на ее лицо. Пока он подворачивал края, дочь сказала, что в субботу придет чинить шторы сюда. Ей удобнее, потому что у него устойчивый стол. Я повернулась к окну. Он всегда

ругался на меня за машинку у края. Нельзя было знать, как мы дальше заживем, по тому, кого этим утром раздражает шитье.

Когда мы встали у двери, муж спросил, как прошел тот разговор в библиотеке. Я приготовилась напомнить дочери, что это была проба. Она сама ответила:

— Я сказала маме то, что раньше не говорила. Ну и она мне что-то сказала.

— Что?

— Спроси ее, если ей хочется рассказывать.

Он посмотрел на меня. Я поняла, что у него свой вопрос про тот день. Может быть, он спросил бы у дочери, почему она не пришла к нему в машину. Неправда, шел он потом домой, а машина была моей. Я опять успела придумать, как он ошибется, хотя он еще ничего не спросил.

— Сегодня не хочется, — сказала я.

По дороге вниз мы говорили про дверь у машины: одна долго не закрывалась, после мороза теперь открывается хуже. Муж бережно отнял у меня пакет с принадлежностями и спросил, не подброшу ли я его до остановки, если не спешу. Он никуда не спешил, и четверть часа мне ничем не грозила. Я представила, как привожу его к остановке. Он спросит, заработала ли батарея, а я скажу, что заработал только один край. Мы еще можем научиться говорить вот так, если не обещаем друг другу прежнюю жизнь.

— Завтра, если надо, — сказала я. — Сегодня я до библиотеки.

Он не спросил, кто там будет. Я не стала сообщать, как бы между прочим. Прижимала к груди фотографию, пока он укладывал вещи. Она была завернута толстым слоем той самой газеты, за которой человек с катушкой когда-то приходил к нам. На сгибе можно было разобрать прогноз на следующую неделю. Я осторожно провела по нему пальцем и оставила бумагу на месте.

Глава 19. Штора остается у окна

В субботу дочь попросила взглянуть на подгиб. Прислала фотографию двух пальцев и полоски ткани. На ткани лежала линейка с наполовину стертым нулем. Я написала ей, что по фотографии ничего не скажешь, и сразу увидела сверху, как она набирает ответ. Пузырьки пропали. Потом появилось короткое: «Тогда не надо». Дома бывшего я оказалась через полчаса. По дороге купила мел, хотя у нас раньше прекрасно чертили тонким обмылком. Мел положила в карман пальто. Так он не раскрошится в сумке раньше, чем мне понадобится повод его достать.

В коридоре стояли ее ботинки: один направлен к двери, другой поперек. Я бы прежде развернула их носами к стене, не задумываясь. Сейчас ждала, пока муж откроет, и видела под ковриком серые крошки от подошв. Очки он придерживал одной рукой: одна дужка еще держалась за ухом, вторая отвалилась. На другой ладони лежал крошечный винт.

— Собрался чинить? — спросила я.

— Вот найду винт поменьше. Ты к ней?

— Она просила посмотреть.

Он отошел. Я уже сняла пальто, когда сказала вслух:

— Вообще-то она попросила фотографию посмотреть. Я решила, что быстрее прийти.

Он не засмеялся. Взял чашку с подоконника, в которой держал короткие винты, и перевернул ее над раскрытой газетой. Дочь оторвалась от машинки на кухне. Распущенная ткань лежала у нее на коленях, ластиком она подпирала педаль, чтобы та не скользила. На столе был мел, крошечный огрызок с острым краем. Можно было не вынимать новый.

— Я уже почти все, — сказала дочь.

Я нагнулась посмотреть, насколько близко к краю идет строчка. Дочь подняла ладонь, и я остановилась не у того локтя. Встала за ней, там где бывшему мешала газета с винтами. Он подвинул газету, чтобы не опрокинуть, но все равно остался возле стола. Покатились два винта. Дочь остановила их ладонью ровно в ту секунду, когда я наконец отодвинулась.

— Слева складка, — сказала я. — Можно подержу? Не буду шить.

Она дала мне дальний край. Мы расправили ткань, и стало видно, что дело не в одной складке. Старый край вытянулся косо, простроченный низ собирался повернуться к середине. Я показала. Дочь помолчала, приложила линейку, измерила дважды. Потом отодвинула машинку и предложила ничего заново не резать. Ей нужны были шторы до вечера, потому что в окне напротив поставили светящийся круг и через три этажа уже можно читать, какие у нее кружки на кухне.

— Будет криво, — сказала я.

— Где?

— Между полом и подоконником. Люди видят.

Дочь подняла на меня глаза. Не смеясь, не обиженно. В ту секунду я вдруг вспомнила, что никогда не спрашивала, как она сидит у себя на кухне, когда никого нет. Мы с мужем приезжали собрать мебель и говорили, откуда брать табурет. Стоял он напротив окна. Если дочь ест там вечерами, кривую строчку она увидит только утром, когда отодвинет штору. Зато ночью до нее не достанет чужой свет. Я взяла свой мел, положила на стол и спросила, можно ли поставить две дополнительные метки там, где изгиб уже хорошо видно. Она сказала, можно. Я нарисовала одну, вторую оставила ей.

В доме запахло печеным луком. Муж раньше его не переносил. Теперь поставил на дальнюю конфорку круглую кастрюлю, крышку не снял, а только приподнял, чтобы выпустить пар. Дочь вдохнула и сказала, что это еще рано. Он посмотрел на часы. Оказалось, они уже несколько раз варили вместе и спорили, в какую минуту открывать крышку. Мне в этом споре

ничего не полагалось. Рука у меня лежала на спинке кухонного стула, я еще могла сесть и узнать, когда завелась эта кастрюля. Дочь спросила, буду ли обедать. Я уже сделала большой глупый вдох, чтобы ответить «посмотрим», хотя очень хотелось есть.

— Буду, — сказала я. — Если вы на троих не рассчитывали, оставьте мне поменьше.

Муж подставил под кастрюлю деревянную доску. Прежде чем накрыть стол, мы сняли с него машинку. Я помогла поставить ее к стене. Дочь раскатала ткань по полу, чтобы убедиться, что строчка по длине дотянулась до нужного края. Возле батареи она взглянула на загнутый угол и отрезала две нитки. Муж спросил, дырка ли это. Она ответила, что это ее способ узнать с улицы свое окно, когда поздно возвращается. У мужчины на противоположном этаже все окна одинаковые. Пусть хотя бы у нее не такие.

Мы сели. В кастрюле лук был почти прозрачный, друг на друга наваливались широкие ломтики картошки. Я положила вилку поперек тарелки, как делала в этом доме каждый раз, когда хотела договорить. Дочь спросила про библиотеку. На секунду мне захотелось воспроизвести весь первый разговор. От нее ведь вопрос, не от меня. Я ответила, что первый участник принес катушку и что пока больше не хочу рассказывать, пока мы не договоримся, в каком виде это его рассказ. Муж сказал, что у его отца была такая же катушка в металлической коробке. Не скажи он это сейчас, я бы не вспомнила коробки. Думала, они дошли только до меня. На самом деле он помнил, как она распахнулась в ящике возле плитки и рассыпала нитки в масло.

— Так ты не про наши истории? — спросил он.

— Во всяком случае, не про то, как ты рассыпал чужие нитки.

— Я их не рассыпал.

— Вот и не надо мне давать править.

Дочь засмеялась с полным ртом, отвернулась в сторону. Ей пришлось прикрыть рот тем самым рукавом, про который я секунду назад собиралась сказать, что он в пыли. Я засмеялась тоже. У мужа от пара запотели очки, которые он наконец успел починить. Он не снял их, подался назад и сказал, что в таком виде готов признаться практически во всем, если ему дадут еще картошки.

Потом дочь спросила, можно ли на минуту положить шторы в коридоре, пока она собирается. Я подняла обе и сложила так, чтобы ее нескладный шов оказался снаружи. Она поправила сверток лишь у самого края и перехватила бечевку. Когда муж вызвался спустить к машине, она сказала, что везет на автобусе: не придется искать, куда поставить машину возле подъезда. Он предложил дать ей сумку с колесами. Эту взяла. Я узнала свое желание спросить, почему ему можно помогать колесами, а мне нельзя подшить прямее. Ответ был скучный и очень непривычный: помощь ей понадобилась в другом месте.

Я подняла тарелки. Муж взял у меня верхнюю и отвернулся к раковине. Он привык, что первой ставят тяжелую, иначе она перекосится в раковине и расколет те, что лежат ниже. Я придержала свою в двух ладонях. У меня вдруг появилось время спросить, исправил ли он стул, который постоянно шатался у окна. Оказалось, стул отвез дочери, а ножку так и не починил. Дочь сказала, что поставила его возле шкафа под коробку с бумагой и ни разу на него не садилась. Стул теперь делает нормальную работу. Им необязательно просить меня вспомнить, сколько клея осталось в банке у плиты.

Муж намылил первую тарелку. Остановился.

— Думаешь, я не помню, где у твоей машинки педаль заедает?

— Помнишь. Я думала, тебя раздражает, когда она здесь.

Он повернулся к дочери, которая уже подтянула ботинки носками к двери, чтобы не искать в коридоре.

— Мешало, когда ты меня звала по три раза, чтобы сказать, где я должен держать, а потом все брала сама. Если она поставит у окна и не позовет, пусть шьет сколько хочет.

Я не знала, обиднее мне сейчас, чем было бы раньше. Из-за того, что на этот раз даже не надо отвечать сразу. Я отдала ему тарелку и достала полотенце с нижней ручки. Он воспользовался им, не спрашивая, что я думаю про три раза. Дочь между тем сама обвела вокруг машинки шнур, чтобы в него никто посторонний не наступил. На кухне все получилось без моего объяснения, кто что на самом деле имел в виду.

У двери дочь вспомнила, что ключ от нашего прежнего дома остался у нее в маленьком кармане. Папа сказал, пусть носит. Я уже приготовилась сказать, что при таком прямом свете ключ выдаст металлическую выпуклость на ткани, придется переложить. Вместо этого спросила, как ей со мной договариваться насчет машинки. Дочь сказала, что пришлет фотографии, когда повесит обе шторы и поймет, что нигде не оторвалось. Не стала предлагать самой прийти сдавать машинку в день, когда надо еще доделывать дела. Я сказала, что могу забрать с прежнего места, если они с отцом договорятся лишь о том, где она будет ждать.

Перед уходом достала из кармана мел. На ладони был серый след, хотя новый кусочек так и остался завернут в бумагу. Я положила его на тумбу. Потом передумала и забрала. У меня дома впереди будет еще одна вещь, которую я сумею подогнать сама. Даже если никто не заметит, где именно я провела черту.

Глава 20. Два свободных ряда

Через несколько дней дочь попросила приехать к шести, если я не занята. Она не объяснила, зачем. Я успела решить, что будем ужинать, взяла надломленный пакет сухариков, которые она в детстве любила. У пустой площадки возле районного дома меня встретил сквозняк, а дочь стояла изнутри за стеклом и размахивала двумя одинаковыми карточками. Уже в дверях я видела, как она хочет что-то положить, но обе руки заняты.

— Подержи эти, — сказала она вместо «привет». — Только не передавай никому.

В большом помещении расставляли стулья для встречи, за которую она отвечала после своей основной работы. Не ее выставка, не ее доклад. Люди должны были один раз показать друг другу свои короткие заявки на совместные занятия. Ей обещали восемнадцать человек. Пришли тридцать два. На двери оставили обозначение, из которого следовало, что можно пройти без списка, а внутри один человек уже загородил двумя стульями выход. Дочь наклонилась к нему, спросила, зачем. Он ответил, что ждет друзей. Она поставила его пальто на первый стул и сказала, что место можно сохранить одно. Если придут двое друзей, второму придется объяснить, как пальто размножается.

Я хотела поднять второй стул и унести. Дочь показала мне рукой подождать. Мужчина после ее слов сам взял стул, дошел до стены, сложил и вернулся чуть краснее прежнего. Тут уже она попросила меня встать у лестницы и считать не гостей, а свободные места. Я считала. Пакет сухариков оттягивал край сумки. Поначалу хотелось поднести ей хоть что-нибудь, что делало бы нас матерью и дочерью прямо теперь, посреди чужих пальто. Потом я увидела, как она впускает опоздавшего не сразу, а сперва спрашивает у человека в проходе, хватит ли ему места повернуться. Я прежде ни разу не видела ее в этом деле. Она даже смеялась другим голосом.

В неразберихе пришел высокий мужчина с большим зонтом и сказал, что ему обещали подвезти еще ряд. Дочь спросила, кто обещал. Он назвал человека, который с утра был в другом районе. У меня в таком случае обычно находился номер. Я уже открыла телефон, хотя не знала, кто это. Дочь посмотрела поверх моего плеча и тихо сказала:

— Мне сейчас важнее, что ты насчитала.

— Шесть.

Она убрала зонтичную стойку от прохода, поставила на ее место свободный стул и оставила боковую дорожку пустой. Потом ушла за ключом к хозяйке помещения. Высокий еще стоял рядом со мной. Ему не понравилось, что свои обещания он не мог теперь подтвердить рядом с чужим стулом. Он поглядел на мои карточки: предположил, что я тоже организатор. Я сказала, что я считаю места. Мне неожиданно понравилось, как мало от этого надо объяснять.

Оказалось, одной карточкой запирали вход, а другая разрешала подняться в бытовую комнату. Дочь их забрала, переставила местами и смутилась, когда помощник заметил, какой стороной она их мне отдала. Я протянула ей пакет. Она покрутила в пальцах.

— Я думала, их уже не делают.

— Можешь оставить ребятам.

Она открыла пакет. Отломила от спекшегося края крошку, съела и положила пакет в свою сумку. Потом попросила не ждать конца: ей осталось убрать стулья, а я могу застать автобус. Я пошла. Во дворе только один фонарь горел у лестницы, и под ним хорошо видно было, сколько мелких семечек прилипло у меня к рукаву. Я не стала их отряхивать, пока не перешла улицу.

Глава 21. За два часа

На следующее утро дочь позвонила и спросила, на какую сумму я соглашалась за библиотечный разговор. Не сразу поняла, что она имеет в виду не запись о переезде, а мой договор. Я еще толком не проснулась, лежала на боку и долго смотрела на носок, свисавший с батареи. Пришлось сесть.

— Что случилось?

— Мне заплатили меньше, чем мы говорили. Сказали, что то было «за показ», а не за то, что я переставила весь порядок.

Она объяснила, какая часть оплаты была за два часа в помещении, какая за предварительные звонки. Они успели отдать ей только за время встречи. Осталось собрать чужие формы, позвонить четверым и переслать ответы. Люди ждали именно от нее. Я назвала сразу три способа, как можно договориться. На втором услышала, что дочь перестала отвечать даже «угу».

— Ты хотела, чтобы я послушала, что тебе не заплатили? — спросила я.

— Я хотела, чтобы ты сказала, помнишь ли, сколько меня там не было, когда ты держала карточки. У них в письме теперь написано, что я ушла на десять минут.

Я помнила начало. Она ушла за ключом в тот момент, когда возле зоны гардероба опять появились свободные места. Вернулась до того, как сходили за новой питьевой водой. Могло быть четыре минуты, могло семь. Дочь попросила не угадывать: достаточно, что она тогда ходила за ключом, а не ушла совсем. Я записала ей это двумя предложениями. Перечитала и стерла «на мой взгляд». Там остался один факт, который я видела сама: она вышла за ключом и вернулась. Что им за этот факт делать, решит она.

В обед мне так и хотелось спросить, пришел ли ответ. Я сама себе объяснила, что могу не спрашивать еще пятнадцать минут. Через пятнадцать у нас на работе кто-то поставил пустой ящик поперек прохода. Пришлось перетащить его. У ящика с двух сторон торчали одинаковые куски картона; снимая один, я поймала, как рука тянется сразу за вторым. Телефон в это время завибрировал. Я оставила его в кармане, пока не донесла ящик к стене.

Дочь написала, что ей доплатили только за звонки, которые уже были сделаны до встречи. Собирать формы и звонить четверым она не будет. Она прислала остальным один точный срок и адрес человека, который должен отвечать дальше. Один из тех, кто обещал с ней работать весной, удалил ее из общего чата. Семь минут спустя прислал в личном сообщении вопрос, правда ли ему теперь идти в другой корпус. Она ответила адресом и не стала объяснять, что думает.

— Вечером хоть поесть успеешь, — сказала я, когда она перезвонила.

— Успею. Только я там не хотела бесплатно доедать то, что сама приготовила.

Я рассмеялась, она рассмеялась позже. Потом сообщила, что села обедать еще до конца нашего разговора, и попросила не обижаться, если будет жевать. Я за это время еще ничего не ела. В буфете осталась последняя тарелка с холодным рисом. Я попросила разогреть и осталась у стойки, пока ждали, не пододвигая к себе ничьей второй тарелки.

Глава 22. Иголка в конверте

Бывает, в дверь стучат пальцем, а бывает костяшкой, часто и дробно. Я оторвалась от расшифровки, сняла бумажку со стекла и увидела за дверью женщину в меховом капюшоне. По записи она должна была прийти завтра. Сама она была уверена, что сегодня, и возразила, что завтра ее здесь точно не будет, потому что приезжает сестра.

— Я подожду до обеда, — сказала она. — Вам не надо двигать людей.

У нас как раз никто не ждал, но у меня была оплачиваемая смена через час. Я могла ее пропустить, потеряв немного денег и свое право потом злиться на то, что люди записываются не в тот день. Могла попросить женщину прийти на следующей неделе. Сестра, как выяснилось, на следующей неделе приедет уже за вещами. Женщина ей не рассказывала, куда собралась сегодня. «Да это не тайна», — сказала она, хотя пальцы в перчатках уже держались за ворот.

Я спросила, успеем ли поговорить до одиннадцати. Она села сразу, едва я отодвинула стул. Я включила запись, когда она кивнула.

В пустом конверте для открытки лежала иголка, спрятанная в боковом сгибе. Женщина сказала, что это от мамы и никакого особенного дела в ней нет. Мама отправляла по почте платье одной дочери, а вторую просила переправить к нему остатки ткани. Эту часть мы повторили трижды: кто кому отправлял, кому мама сказала про остатки. Я слишком уверенно рисовала стрелки, чтобы не запутаться. Женщина подождала, пока я закончу, и перевернула лист.

— Я платья тогда не носила, — сказала она. — Я хотела, чтоб она приехала.

Я положила карандаш. Женщина провела перчаткой по конверту, зацепилась пальцем за иголку и сняла перчатки. На правой руке у нее был длинный ноготь, остальные короткие. Им она подцепила конверт и показала: если согнуть, иголка не выпадет, хоть переверни. Мама учила их так передавать иголки, если никто не может спуститься на первый этаж с обеими занятыми руками. Я спросила, куда надо было ей приехать. Женщина назвала станцию, которая давно называлась по-другому.

— Мы там жили первую зиму. Муж то на заводе, то на поезде. Я из дома ушла сама, и мама, думаю, обрадовалась, что я решилась. Может, такое нельзя говорить.

— Можно.

— Вот она обрадовалась, а я как будто к ней вернулась, пока написала эту открытку. На пустом месте мучила себя, что я еще ей что-то должна. А она вообще ничего не потребовала. Только попросила сестру мой край у платья поправить.

Я думала, в конце женщина скажет, что мама приехала на выходные. Женщина открыла рот, вдохнула и промолчала. Потом звякнула иголкой по дереву.

— Не приезжала. И сестра не приезжала.

— Письмо получили?

— Получила. Табуретка была свежая, некрашеная. На ней села и читала. Потом конверт долго из кухни в комнату перетаскивала. Когда переехала, в новый ящик положила, хотя до сих пор не знаю, зачем. Маму совсем не помню за последние годы, а как конверт несла, помню.

Она положила иголку в сгиб, покачала конверт. В углу просвечивала полоса от клея. Я посмотрела, осталась ли на часах минута, и заметила, что она смотрит туда же.

— Можно, если захотите, сказать, чем все закончилось, — предложила я.

— Чем? Мама состарилась, мы ездили к ней по очереди, сестра за ней чашки мыла получше меня. Только я в тот год очень ее ждала. Можно мне оставить так?

— Конечно.

Она ушла без спешки. Я не стала всовывать конверт в папку, хотя очень удобно было бы знать, где он перед монтажом. Женщина держала его двумя пальцами, коротким краем вниз. На выходе она спросила, будет ли та пустая минута слышна, когда люди придут слушать.

— Подумаем вместе, — сказала я.

Опоздав на смену, я забралась в автобус через заднюю дверь. У открытого окна трепыхался оторванный кончик рекламной надписи, хотелось его пригладить, но я сидела далеко. Я надела наушники и в телефоне подрезала черновик, чтобы прикинуть, наберется двадцать минут или сорок. Убрала длинный вдох перед «не приезжала». Получилось, что женщина ответила без запинки, едва я задала вопрос. Наушники передали это гораздо отчетливее, чем в комнате. Будто она давно все решила о своей матери и пришла рассказать именно это.

До моей остановки было еще три. Я посмотрела на кусочек дорожки, который оставила за краем. Его можно было вернуть одним движением. Потом увидела, что у дверей женщина тоже ищет, куда нажать, и сняла один наушник.

— На красную кнопку, — сказала я. — Только ее сейчас закрывает рукав.

Когда дверь открылась на следующей остановке, я поставила отметку возле удаленного вдоха, сохранив отдельно исходник. Думала, теперь легко вспомню, зачем она там молчала.

Глава 23. Девять минут

Я опоздала на работу на девять минут. Первые три из них потратила на то, чтобы расстегнуть куртку как следует, пока начальница не видит. Мокрая застежка цеплялась за желтый шнурок от пропуска. В последнюю минуту я могла вытащить телефон, показать автобусную схему и убедить кого-нибудь, что только один пересадочный рейс отстал от другого. Но у меня были в памяти и конверт с иголкой, и пальцы женщины на нижнем краю. Без этих девяти минут тоже была бы запись. Только от последней подробности к иголке я еще за дверью протянула нитку сама.

У пульта уже стояла сотрудница из соседнего ряда, державшая мой ящик открытым. Я думала, что она ждет свою вещь, но она выложила на стол мои два пакетика с чаем, зарядку и бумажку, на которой я иногда считала деньги. Положила на отдельный угол, чтобы освободить место для пачки входящих накладных. В первый момент меня ослепило не то, что она вынула, а что бумажка лежала цифрами кверху. Я быстро перевернула. Она и не заметила.

— Тебе полторы линии поставили, — сказала она. — Я до перерыва сидела на двух. Теперь хочу пять минут где-нибудь, где ничего не звонит.

На столе лежал лист с нашими именами. Мой промежуток утром продлили именно на то время, на которое я опоздала. Чтобы смена не сбилась, она переписала начало своим почерком и позвонила в диспетчерскую, потом осталась возле доски. На бумаге это выглядело почти как нормальный график. Я спросила, почему она не написала мне, если уже надо было уйти. Она посмотрела на мое пальто. Теперь я видела, что куртка у нее не застегнута, из-под полы выглядывает узкий сухой шарф. Она вовсе не собиралась еще одну смену тащить за двоих.

— Я написала. Потом перестала.

Телефон в сумке перестал звенеть, когда я вставила наушники в автобусе. Из двух ее сообщений я видела только первое, какое-то «будешь к...», оборванное на экране. Второе пришло между остановками, и я его не открыла. У нас за несколько лет завелось негласное правило: человек не просит следующего ждать дольше, чем сам готов. Оказывается, я считала себя исключением с утра, потому что везла в телефоне чужое трудное «не приезжала». Я взяла у сотрудницы пачку и отодвинула ей стул.

— Иди. Я с обеими справлюсь до половины.

— Мне до половины не надо. Я на почту, там человек ждет у ящика. Эту пачку без меня не закрывай, стрелка всего от одной накладной.

Она подняла со стола красный карандаш. Показала бледную стрелку на листе: обвести не успела, а прежняя почти совсем стерлась. Я приготовилась сказать, что умею и сейчас найду. Потом спросила, к какой именно накладной. Сотрудница показала. В этом не было ни урока на всю жизнь, ни общего правила аккуратности. Она простым голосом прочитала номер. Я обвела на своем листке две последние цифры, чтобы ее не вызывать. Только после этого она вышла.

Через двадцать минут привезли мешок бумажных ярлыков, которые должны были попасть на коробки до погрузки. Одна надпись отмокла. Вместо города стало видно одно «...ск». Я впервые подумала о том, как хорошо было бы все бросить и пойти пить чай. По красной отметке можно было сказать, что маркировка пришла с предыдущей смены и не моя. Тем более я знала, в каком месте стола лежала эта стопка до прихода.

Из коридора водитель спросил, готова ли последняя коробка. Он постукивал ключом по двери. Рабочие часы у него заканчивались минут через десять; куда ни поверни, потом стоять в пробке. Я пошла на склад и вытащила коробку наружу. Мокрый кусок оторвался сразу. На верхней грани осталось чистое место, как если бы адреса никогда не было. Кто-то из старой смены уже поставил второй крестик рядом, но не вписал откуда взялась адресная строка.

Можно было угадать по товару. Так иногда и делали, пока один дедушка не нашел у себя пакет болтов вместо легкой дачной дверцы.

Водитель сказал, что если я обернусь два раза, точно успеем. Я сказала, что эту коробку пока не повезем. Он спросил, кто разрешил. Я сказала, что возьму на себя задержку, но город не назначу. Слова быстро вышли. Я могла отдать ему теперь только две секунды досады. Самым тяжелым было стоять над пустым местом и не заполнять его городом, который я не могла подтвердить ни по телефону, ни по самой коробке. Водитель взял остальные коробки. Одну поставил прямо возле моей ноги, чтобы я больше не смогла шагнуть вперед с непроверенным ярлыком. Потом забрал и ее. За дверью прокатились колеса.

Когда сотрудница вернулась, у нее на одной руке промокла перчатка. Она просушила ее на бумажном полотенце и спросила, где мы на той большой стопке. Я объяснила про название города. Сказала сразу, что остановила коробку уже на своей смене, водитель уже ушел. Она сняла с края манжеты нитку. Мы обе понимали, какая самая легкая фраза: как хорошо, что я не успела. Она ее не произнесла. Спросила, где копия утренней ведомости и зачем красный карандаш у телефона.

Мы вытащили ведомость из самого нижнего ящика и отыскали отправление по цифрам. Для города было два похожих номера, потому что утром перепутали две наклейки и успели записать оба. Сотрудница знала, где принтер ставит второй маленький символ. Я поднесла оставшийся клочок к стеклу под лампой. Символ был. Событие можно было закрыть, не выясняя еще час, чья рука куда тянулась. Я перепечатала ярлык и на этот раз написала отдельную записку диспетчеру с номером рейса и причиной. На записке поставила свою фамилию. Сотрудница отнесла коробку в дальний желтый ряд и не стала зачеркивать ее прежнее время своей двойной чертой.

Перед концом смены та самая коробка стояла уже сухая в желтом ряду у ворот, когда вернулась сотрудница, дежурившая с утра. Она считала, что подпись нужна не потому, что я распорядилась задержать коробку, а потому, что кто-то теперь ищет деньги за переадресацию. Я могла показать ярлык и отправить ее вниз. Вместо этого достала из двух папок предыдущую копию. Сравнили не адрес, а время двух штампов; первое прошли еще до нее. Она спросила, зачем я все это проверяю, если можно просто сказать, что случилась ошибка. Я ответила: если скажу это вслух и уйду, завтра из короткой бумаги узнают, кто виноват, и промахнутся. Она перевернула последнюю строку на себя. Вписала время собственной отметки, не зачеркнула мою. В тесном шкафу, где мы решили искать лист, было еще с полминуты совершенно тихо.

— Ты свою бумагу сможешь показать, если начальница спросит? — сказала она.

— Да. Только твою не буду показывать за тебя.

— Ну так это хорошо.

Она вышла первой. Я видела два разных следа ее ботинок там, где после двери намело мокрых крошек. Еще можно было выбрать, какой путь к выходу выглядит короче. Я понесла рабочую папку туда, куда мы обещали ее сегодня положить, и не стала по пути переписывать ту половину объяснения, которую не могла дать от ее имени.

К концу смены я взяла оба пакетика, которые она вытащила из ящика. Один положила возле ее клавиатуры. Она посмотрела: бергамот. Сказала, никогда не пила, но разве его нельзя с молоком. Я засмеялась раньше ответа. Так бы засмеялась дома мужу, уверенная, что сама уже умею как надо. Сотрудница отвинтила крышку от своей бутылки, понюхала сухой пакетик, пожала плечами и убрала на потом. У меня не было причины оставаться рядом и ждать, как он ей понравится.

Перед тем как уйти, начальница постучала по листу с графиком. В записи заранее стояли часы, которых я не отработала. Она предложила перенести девять минут на вечер. Мне надо было бы выйти на один автобус позже. Вот и цена, которую можно выплатить без важного разговора. Я осталась. Разобрала ту самую последнюю накладную и перевернула лист для сле-

дующего утра. Пометку для себя написала на конце: если запись вне графика, сначала проверить, кто ждет смену. Не затем, чтобы не дать занять день, а чтобы одна женщина с мокрой перчаткой больше за меня не смотрела на часы.

На остановке я нашла в телефоне кусок, который утром отодвинула в сторону. В исходнике женщина дышала. Если включить без наушников, возле дороги этого бы уже никто не услышал. Я не вернула паузу. Слушала только пару секунд, и мои пальцы от холода плохо попадали над ней. Зато открыла название заметки и рядом с отметкой поставила вторую: «Спросить про этот вдох, прежде чем брать». От этого монтаж ничуть не стал правильнее. Но появилось две отметки вместо одной, и было хотя бы куда смотреть, если вспомню не то.

Глава 24. Снятая скрепка

В пятницу мужчина из соседского книжного кружка пришел с двумя булками, завернутыми в плотную бумагу. Одну поставил на край пустого стола, другую спрятал обратно. После того первого вечера мы освободили проход, и директор дал еще две недели на пересчет книг. Сегодня срок кончался. Я показала на выключенный диктофон в моей сумке. Он сказал, что не просит никаких демонстраций, просто не ставьте рядом даже сумку. Я убрала ее за дверь, где обычно лежал свернутый коврик. Он посмотрел мне вслед, потом спросил, где женщина. Она опаздывала. Ему хотелось, чтобы первый короб уже стоял на его половине и можно было проверить, не переоформили ли книги из той партии, которую они раз в год собирали для соседей. Я принесла ему короб с ярлыком, ярлык висел на одном закрученном проводке. Он разложил книги лицом вверх и только потом заметил, что булка придавила одну книжную карточку.

Женщина вошла, едва отдышалась и сказала: «Я купила взамен три, а не семь». Он даже не повернул головы. Прижал ладонью раскрытый том. Я могла напомнить ей, что они договорились не начинать с этого. Она увидела, как его рука держит угол страницы, и сама замолчала. Сняла пальто. Потом взяла у меня стул и поставила не в конце своего стола, а в середине. Оттуда ей хорошо видно было все его книги. Он глянул туда, подвинул свой стул в другую сторону. Получилось, что до выхода обоим одинаково далеко.

Из первых десяти названий у них сошлось семь. Еще одну книгу я нашла на подоконнике, где его использовали как подкладку для глиняного горшка. Десятое совпадало названием, но не внешностью и не концом: в одном издании отсутствовала последняя часть. Женщина сказала, что это надо отметить, и потянулась за скрепкой. Он попросил не скреплять две карточки, даже если заголовок один. Снова говорил не ей, а мне, хотя ручку держала она. Я передвинула к ним обе карточки и встала искать место для другой стопки.

За стеклом из коридора наблюдал тот, кто перевозил шкаф. Он показал мне на часы. В тот день улицу перекрывали на ремонт, и после половины пятого его машине пришлось бы ехать в обход. Он пришел за обещанными четырьмя пакетами, поэтому от наших двух столов зависело, куда теперь девать книги. Я предложила вынести все, что оба успели пересчитать. Женщина тут же подняла свой короб. Мужчина поставил на крышку ладонь.

— Еще не все. Я не подпишу тридцать шесть, если вижу тридцать пять.

Женщина втянула воздух. Могла сказать, что одному человеку только и нужно выбрать, какая книга хуже лежит. Вместо этого отвела руку от короба и вынула из нижней стопки тонкий том в бумажной обертке. Он изначально был у них отдельно. Не кружок купил, не они подарили: мужчина сам приносил эту книгу читать другу, когда тот болел. В семью книга пришла раньше, чем он сам помнил. Такое издание в магазине не купить. Женщина вложила чистую карточку в обертку, решила когда-то, что так его легче найти. Теперь увидела эту карточку как будто впервые.

— Тридцать пять, — сказала она. — Эту я записала в кружок, потому что она у нас стояла с остальными. Но ты же ее не отдавал.

Он не повернул к себе книгу. Снял проволочку, которой держали ярлык. При первом движении проводок не поддался. Тогда женщина сама положила скрепку перед ним, чтобы он попробовал поддеть ярлык. Он снял ярлык со второй попытки и подвинул книгу к себе. У человека за стеклом стало два свободных пальца. Он перестал стучать и занялся ручкой на тележке.

— И сколько теперь надо на подпись? — спросил мужчина.

— Тридцать пять. Тут же и напишу.

Она переписала число не поверх прежнего, а строкой ниже. Дала ему проверить все листы. Он прочел два последних, потом спросил, с какого времени теперь рассчитывать, что

шкаф еще открыт. Дежурить первый месяц не мог: у него внучка по средам, и четверг ему легче только через неделю. Женщина посмотрела в свой календарь и сказала, что на два четверга согласна. После них они не обязаны ходить попеременно, если соберут третьего. Она начала писать его время и остановилась у первого знака. Протянула ему карандаш. Он над листом долго вытирал графит с пальца, потом поставил одно короткое время и не прочитал его вслух.

Когда мы вынесли пакеты, на часах было без двадцати пять. Я знала, что путь до дома у водителя теперь длиннее. Он посмотрел на пустые ручки тележки, спросил, почему не скинули последнюю коробку сразу. Я ответила, что она не последняя: это личная книга. Оборот по новой дороге вышел дороже. Он назвал сумму за лишнее время и показал расписание перекрытия, которое теперь мог разве что убрать с телефона. Я отдала часть, которую сама обещала, остальное женщина вынула из кошелька. Она не попросила мужчину доплатить за один его том.

Вечером я увидела его на лестнице уже без пакета с булкой. Он нес книгу под пальто, ладонь сквозь карман лежала на углу. Спросил, где я теперь возьму свое время на запись. Я сказала, что перенесу на другой день. Он подумал, потом вынул половинку булки, которую так и не съели. Предложил по дороге донести, если я еду пустым автобусом. Я поблагодарила, взяла булку и не попросила рассказать, кому он когда-то читал.

Глава 25. Выдача в четверг

На следующий четверг я подошла к проходной в шесть десять и увидела, что ключ лежит на земле у самого шва между плитками. В окне никого. За рамой стоял термос, на крышку поставили вторую кружку. Я не стала поднимать ключ. Через стекло он был виден лучше, чем со стороны улицы: люди проходили через место, куда с крыши падала вода, и почти все смотрели, не обольет ли им спину. Я постояла рядом, пока от остановки не подошла женщина из кружка. Она заметила ключ раньше, чем я успела ей о нем сказать.

— Наверное, он его уронил, — сказала она. — Вечно вешает на самое узкое кольцо.

— По расписанию сегодня ты.

Она взяла ключ и замерла, как будто было уже поздно понять, почему он не у нее. Потом сказала, что вчера сама отдала его ему: приходили ставить новую задвижку, надо было проверить, входит ли туда длинный винт. Сегодня он должен был быть с внучкой. Она дозвонилась мастеру: это он оставил ключ в желобке и предупредил ее напарника, не ее. На стене изнутри висел переписанный список. В двух местах названия все равно читались плохо. Она достала телефон и спросила, что будем делать, если люди решат, что в шкаф не вернули все тридцать пять.

Я не знала, чего ждут люди по эту сторону. В проходной и вовсе не все знали, почему книги пересчитывали заново. Одно место у окна было раньше склонено вперед от тяжести, теперь мастер подложил под шкаф две сухие дощечки, даже пол под ним казался ровным. Нам не хватало одного тома, который женщина уже приготовилась искать во всех чужих сумках: на самом деле он был на полке, но карточка от него торчала под дальним углом. Я показала. Подождала, пока она сама вытащит. Ни я, ни она ни разу не произнесли «коробка». За винтом под крышкой торчал один необычный конец, больше я ничего не проверяла.

В середине первого часа пришел человек с одной книгой. Он думал, что можно оставить ее в доме возле школы. Не знал, как скользит дорога между двумя воротами. Женщина поставила новую карточку на стол, не стала предложить готовое место на полке, потому что не знала, была ли книга на самом деле его. Он сказал, что книга его сестры. Женщина закрыла колпачок на ручке. «Значит, спросите ее», — сказала она. Потом, смутившись от своей строгости, показала, где у нас стоят журналы, которые можно брать без всякой карточки. Он взял один, полистал, записал адрес на телефон и ушел. Книгу унес с собой, застегнув сумку и убрав язычок молнии под ткань. Она не стала говорить вслед «можете просто принести завтра». Прижала ладонью чистую карточку, затем убрала ее в ящик.

Ближе к концу я достала из кармана листок с наброском вступления. Мне нужно было записать его до завтра, а свободного часа встретиться с библиотекарем и согласовать черновик все еще не нашлось. Можно было прямо сейчас сесть во втором помещении и наговорить, пока здесь тихо. Я даже встала из-за стола. Женщина показала пальцем: на проходную шел мужчина. Внучка тащилась рядом с рюкзачком, который был чуть шире ее плеч, и остановилась посмотреть на картинку у дверной ручки. Мужчина открыл стекло, не поздоровался громко, подвинул к стене свой запасной крюк. Он был разогнут с одного края, поэтому ключ с него не свалится. Женщина взяла крюк, прикинула высоту. Мужчина спросил, вернулась ли та, кто брала тоненькую книжку с серой кошкой. Женщина ответила, что уже принесла три других, эту забывает в третий раз. Он сказал, что позвонит не напоминать ей, а узнать, надо ли передвинуть нижнюю полку, где она всегда ищет продолжение. Если не надо, останется как прежде.

Внучка наклонила голову к обеим кружкам, спросила, можно ли пить прямо из термоса. Он перевел вопрос на женщину: в термосе ее чай. Та дала девочке кружку и налила до середины. Девочка пила, держась обеими руками. У нас дома бывший наливал дочери ровно так же, хотя уже пятнадцать лет никто из нас не спрашивает у другого, сколько ей можно. Мужчина

только смотрел, чтобы она не пролила в рюкзак. Когда допила, девочка сама отнесла кружку в угол и отерла стол ладонью.

Я не стала просить их остаться до конца, чтобы сделать общую фотографию для библиотеки. Сложила вступление вчетверо и пошла по другому пути, через подземный переход, где автобус ходит реже. К концу первого часа шкаф работал, и к моему рассказу у него ничего не прибавилось. У подъезда я еще чувствовала пальцем твердую линию листа через перчатку. Потом перехватила лист другой рукой и больше не заглядывала на часы.

Глава 26. Чужая запятая

Владлен принес два файла с названием «улица». Один, по его словам, записан из кафе, второй с остановки. Дал мне наушники и ушел к автомату с кофе, который в нашей библиотеке наливал однажды такое, чего нельзя было назвать даже горячей водой. Я послушала первое. За стеклом гудел автобус, кто-то передвинул чашку. Во втором никто не двигал чашку. Автобус подал похожий сигнал, мимо пробежал человек и дважды звякнул ключами. Я решила, что это записи одной минуты с двух сторон. Повернулась и увидела, что Владлен уже стоит с двумя стаканами. Большой и маленький. На большом крышка.

— Для меня маленький? — спросила я.

— Бери какой хочешь. Я оба перепутал.

Я сняла с большого крышку и взяла его себе. Владлен поставил маленький на стол, нагнулся к компьютеру. Я услышала, как он тихо повторил слово «улица», хотя на экране было написано «улица 2». За тем ужином он таким же голосом переспросил у официантки: есть ли тарелка поглубже. Девушка принесла большую миску, и суп у него в ней выглядел детским. Ни он, ни я не стали над ней смеяться. Выпили после ужина чай и обнаружили, что сели напротив зеркала, где весь вечер отражались вместе.

— Это один день? — спросила я.

— Два разных года. Я с той остановки уезжал к отцу, и автобусы тогда другие ездили. Но мимо них одинаково проходят.

Я снова включила первый фрагмент. Стекло задребезжало сразу после чашки, как будто резко поставили блюдце на слишком высокий стол. Во втором не было дребезга: много тише, широкая улица и кто-то совсем поблизости. Я была уверена, что первый звук надо дать раньше. Потом узнала, что он записан позже, после замены автобусов.

— Мне нужен совет, — сказала я. — Я убрала у одной женщины паузу, а теперь слышу, что это уже как будто другая женщина.

— Верни.

— А если у меня в каждом разговоре таких двадцать?

Он не сразу ответил. Подвинул стакан, чтобы не стоял возле проводов, и включил мне два звука подряд. Теперь я ясно услышала: в одном случае автобус двигался от нас, в другом подъезжал.

— Когда я переставил, — сказал он, — получилось, что автобус привез человека, который от нас ушел. Слушатель может и не заметить, если не знает улицу. Я заметил, потому что сам каждый раз хлопал дверью этого кафе, когда опаздывал. А если бы попросили сделать просто фон, я бы не стал бороться за порядок. Тут люди сами тебе сказали, какое место для них важно?

— Один человек сказал. Я собираюсь спросить остальных.

— Тогда сначала спроси его.

Меня раздражило, что ответ настолько простой. Я придвинула ему наушники. Потом отодвинула обратно, потому что записи лежали на компьютере, к этому компьютеру у него был привычный доступ, но слушать чужие разговоры я пока не предлагала.

— Ты сердишься? — спросил он.

— Неловко, что у меня половина вопросов сводится к «а нельзя ли вместо этого взять что-нибудь покороче».

— Можно. Ты сама ведь тоже не все людям рассказываешь.

Мне захотелось узнать, про что он подумал, сказав это. Он уже улыбался и поднимал стакан. На крышке моего осталось кругло продавленное место, от которого всегда пачкался нос, когда пьешь не снимая. Я вспомнила, как в пятницу наклонилась к нему слишком быстро,

а он подумал, что мне мешает пройти спинка стула. Встал, отодвинул ее, оба засмеялись. У двери мы уже знали, чего хотим, и так долго ждали, пока кто-нибудь пройдет на улицу, что на прощание он поцеловал меня только возле пустой урны. Он не делал вид, что там место лучше, чем у двери. Просто потом спросил, не замерзла ли я.

— Я не рассказывала тебе, как я с людьми раньше работала, — сказала я. — Я их на телефоне спрашивала, устраивает ли заказ. В одних и тех же словах. Если человек начинал рассказывать, что случилось и почему он не видел посылку, мне за длинный звонок сбивали премию. Я научилась слышать, когда человек уже почти готов повесить трубку, раньше, чем понимать, что он сказал. До сих пор звонки не люблю.

— Поэтому вечером не звонишь?

— Нет. Вечером я не звоню, потому что хочу, чтобы ты об этом сам вспомнил.

Я ответила, не подумав, и от этого шея стала горячей под воротом. Владлен поставил стакан. Подумал. Я уже приготовила шутку, которая ни разу не пригождалась вовремя.

— А я не звоню вечером, — сказал он, — потому что раз позвонил не в тот момент, и с тех пор пишу днем. Мне казалось, удобно.

— Мне было неудобно ровно один раз. Я тогда застегивала сумку зубами. А сейчас можешь звонить.

Он вытащил телефон, нашел мой номер и позвонил тут же. Мой телефон зазвенел из сумки, и женщина за соседним столом подняла голову. Я сбросила звонок. Он выключил свой аппарат и впервые за все наше знакомство покраснел до самых ушей. Я взяла два пустых стакана и вынесла их из комнаты, чтобы у него было время разозлиться на собственную глупость. Потом вернулась и спросила, может ли он сегодня остаться после закрытия. Никакой записи я в этот день заводить не собиралась.

Глава 27. Свой кусок войлока

Для стола понадобились прокладки. Не те, которые Владлен уже поставил под ножку, а большие, чтобы переставлять скамью и не пугать людей скрежетом. Я пришла в хозяйственную комнату с пустой сумкой. У кружка переплетчиков было полрулона войлока, от которого они в прошлом месяце отрезали прямоугольники под пресс.

— Берите, там всем хватит, — сказала женщина, разложившая на столе широкую линейку. — Потом вернете нам кусок с покупки. Не приходите только с целым рулоном, некуда ставить.

Я уже отогнула край. Рядом лежала смета. В ней войлока как будто не было: под самой дорогой строкой значился набор с клеем, ниткой и запасом ткани. Остаток посчитали для переплетчиков до февраля. Женщина сказала, что если я совсем спешу, можно провести все одним чеком. Им через две недели тоже заказывать. Потом купим вместе и каждую половину возьмем молча.

У нас в смете на войлок денег не было. Чек лежал бы с одними книгами, а половина ушла бы к чужим стульям. Передо мной лежал войлок, который совсем не хотелось отпускать. Вчера участник слишком рано сдернул со скамьи тяжелую сумку. От удара он пропустил свое же слово и попросил меня сказать его за него. Мне надо было избавляться от скрежета не позже утра. Я уже надавила ладонью на линейку, чтобы нож шел ровно, и спросила, дадут ли переплетчики купить материал раньше, если их папка потом все равно одна.

— Не дадут, — сказала женщина. — Мы на старые деньги уже весь запас взяли.

Я выдвинула линейку обратно. Положила свободный край рулона так, чтобы не помять. В складе предложили полоски дешевого покрытия, но оно оставляло на полу черные квадраты, и убирать их потом пришлось бы тому, кто и так приходил раньше меня. У выхода у киоска продавали старые коврики без резины с обратной стороны. Я щупала их руками, выбирая, из какого выйдет больше пяти одинаковых кусков. Продавец попросил купить два, потому что один с дыркой. Я купила только дырявый. Прокладки вырезала еще и из полосы, где не было каймы. Старый нож мне одолжили в хозяйственной комнате до закрытия.

У меня ушел весь свободный перерыв. Горячий обед за эти деньги я уже купила бы два раза. В приемной библиотекарь сначала села боком на скамью, перенесла вес и только потом подвинулась к окну. Ничего не скрипнуло. Она не спросила, сколько мне стоило. Хороший звук редко вызывает такой вопрос. Я отрезала еще одну подкладку для прохода, где люди все время ставили сумки на самый край, и положила остаток в отдельный ящик, под свои вещи. В папке у переплетчиков по-прежнему не появилось ни одного моего стула.

Глава 28. Смета на одну дверь

На остановке возле временного дома стоял человек в жилете с карманами, и все, кому надо было в подъезд, обходили его сбоку. Он как раз вывешивал объявление: на следующий месяц в доме перекроют воду на два будних дня подряд. Мне не полагалось прожить в этом доме следующий месяц, а я остановилась и прочитала до конца. До мысли, что некуда деваться, оставалось совсем мало. Можно было путать ее с практичностью и каждый день читать, за сколько нужно набрать воды, пока все остальные знают, чья это кухня и на сколько лет.

У себя, в съемной комнате, я нашла старую смету, которую мы составляли с мужем. Не его предложение о переводе, а прежнюю бумажку, на которой мы когда-то считали, менять ли большой шкаф или пока отложить. С обратной стороны он написал мой номер телефона. Мы уже тогда знали его оба наизусть. Половину цифр закрывал кухонный жир. Самое точное слово в этом листке было «пока». Мы семь лет ничего не делали с большим шкафом, потому что из-за стола не видно, какая сторона провисла, разве что ложишься на пол. Когда мы с дочерью переехали, одна дверца не открылась. Я оставила под ней рубашку, которую муж завтра собрался надеть. Тогда это тоже показалось мне большой и справедливой окончательностью. Сейчас мне нужен был оборот бумаги, на котором номер почти стерся. Я перевернула и начертила две колонки.

В первой написала: «Въезд». Во второй: «После». Сумма к выдаче по первой части библиотечного договора еще не была второй суммой. Так бы я объяснила любому человеку, если бы он пришел ко мне проверять бухгалтерию. Запись с расшифровкой дает возможность не брать субботы, но все эти свободные часы я все равно чем-то оплачивала. Когда наступит монтаж, можно закрыть половину залога. Чтобы на желанную квартиру набрать целый, понадобится показ. На счету было столько-то именно сегодня; там лежали и деньги, которыми через неделю надо расплатиться за эту комнату. Я вычла их один раз правильно, второй раз снова мысленно прибавила и разозлилась. Не на библиотеку. На человека, который в моей голове по привычке обещал, что в крайнем случае можно будет попросить.

Дальше внизу я записала телефон знакомой по дому. Еще в прошлом месяце она рассказывала, что у ее родственницы есть небольшое жилье над первым этажом. Они могли подождать с полной суммой, если въезжает один человек и согласен платить напрямик. Я не позвонила тогда: представила, что стану ездить с работы на две остановки дальше, а на кухне даже нет места сразу открыть холодильник и шкафчик. В прошлой квартире мы столько раз обсуждали, не передвинуть ли холодильник, что я до сих пор в новом месте искала розетку раньше выключателя. На этот раз я услышала в трубке, что комнаты пока никто не занял. Хозяйка попросила прийти до двенадцати. Я записала адрес, приколола бумажку булавкой к внутренней стороне сумки. Смешно, но на молнии у меня дома еще оставалась парная нитка.

Дверь в маленькое жилье открывалась просто. Хозяйка надела ключ на телефонный шнурок, чтобы он не терялся, и держала его в руке, пока я проверяла порог. В прихожей помещались табурет и высокая тумба такого странного размера, что нельзя было оставить дверь открытой дальше, чем на ладонь. Не шкаф. Сверху уже вытерли два пыльных квадрата от емкостей, которые прежняя жилица забрала. Я сказала, что иногда прихожу после семи, когда из окон уже ничего не видно. Хозяйка включила лампу у потолка, та сразу загудела. Мы обе подняли голову. Она сказала, лампа была такая еще при ее матери и с тех пор все прислушиваются, когда наконец перестанет.

— Поменять можно сейчас, — сказала я.

— У меня дома тоже гудит, а живу.

Я чуть было не засмеялась, но она не шутила. Она заменила бы лампу, если б перестала гореть. Что со мной будет, пока она только гудит, по ее опыту, в договор не входит. Я спросила,

могу ли принести другую своего размера. Она сказала, что могу, а старую оставить в тумбе: им еще пригодится. Я представила, как вкручиваю лампу и впервые не жду, пока кто-нибудь из нас настучит по стене, проверяя, не отошел ли контакт. Представилось легко. Тяжелее было смотреть на окно. Оно выходило почти прямо в техникум, стены во дворе стояли так близко, что просветом между крышей и стеной можно было проверить, почернел ли снег на улице. Я не приехала за солнцем. Но когда мы уже вышли из комнаты, мне очень захотелось запомнить именно такое окно, какого здесь не было.

— Если что, я позвоню вам до вечера, — сказала я.

— До вечера не надо. Мне в понедельник двое еще придут, дальше кто первый. Тут не стол забронировать.

Она сдавала жилье без поручителя и не просила объяснять, почему я съехала из прежней квартиры. Первой платой закрывался обычный месяц, обеспечение было меньше обычного, но на седьмой день со мной созвонятся сверить счетчики. У соседей одна стиральная машина, нельзя ставить стирку на ночь. Можно принести свою кружку, в подъезд не захлопывать. Я очень боялась, что все это прозвучит унизительно. Хуже было другое: предложенное жилье мне не совсем подходило, но я уже могла его снять и после уйти, когда научусь зарабатывать иначе.

На лестнице я спросила, если уеду через два месяца, сколько суток придется предупредить. Хозяйка отвела меня с дороги: по ступеням вверх уже несла пакеты женщина с узким колючим букетом. Потом ответила, что лучше неделю, чтобы она успела напечатать объявление. Спросила, почему я так уверена, что скоро уеду. Я сказала, что просто считаю. В этот раз мне не хотелось выдумывать для нее красивую мечту, чтобы объяснить, отчего меня не устраивает первое внятное предложение. Хозяйка кивнула и придержала для меня наружную дверь. Ничего не сказала про тех двоих, которые придут в понедельник: это были ее дела, от меня звонка в этот час не ждала.

Ниже по двору нашлась тесная лавочка, спинку недавно покрасили, но сиденье осталось старое. Я постелила пакет из сумки и села на него. Из кармана вышла вся бумажная смета. Я приписала число, меньшее того, которое у меня было на счете, и пометила, что понадобится сделать самой. Дальше выделила подчеркиванием другое: этот адрес может пригодиться, но он не стоит на паузе, пока я думаю. Я имела право хотеть хорошего света и не делать вид, что темнота меня не раздражает. Имела право рискнуть этой комнатой, чтобы узнать еще об одной. Такой риск в самом деле не заставлял меня звонить бывшему. У него был бы примерно одинаковый ответ на оба адреса, если цена не меняется. Готов дать — почему бы не взять? Вот здесь разница. Мне уже не надо было обеспечивать спокойствие сразу у двух людей одной своей дверью и любым способом.

С лавочки видно было кухонное окно той самой комнаты. На окне узорчатая пленка кончалась посредине, и в оставшейся части проступало только чужое небо. Внизу мать везла ребенка на маленьком велосипеде. У нее на плечах висело два пакета, один бил по спине. Ребенок уперся носком в землю и больше не ехал. Она остановилась, поставила оба пакета и показала ему серую ступеньку у забора. Он прокатился еще на половину колеса, встал и заплакал. На всю улицу. Никто не прибежал оценить, достаточно ли она его поддерживает. Она немного подождала, подвинула велосипед, села на корточки и спросила, куда мешает нога. Он показал на ремешок. Отсюда все было ясно, поэтому очень хотелось уже помочь. У них это оказалось быстрее, когда я осталась смотреть на своем краю лавочки.

Я получила сообщение от хозяйки: надо зачеркнуть в карточке сумму, которую она назвала при первом разговоре, потому что в нее по ошибке добавила электричество прошлого жильца. Сумма стала меньше. Я бы раньше ухватилась за это, словно ей захотелось именно мне сделать скидку. Спросила, по какому счетчику мне придется платить за электричество. Она прислала два числа и фотографию дверцы. Я увеличила цифры и положила телефон на

лавочку. Нет, пока я не собираюсь въезжать. Зато цифры могу сохранить, чтобы собственный расчет опять не был похож на просьбу кого-то впустить.

Перед выходом с лавочки я открыла переписку. Бывший прислал фотографию чайника: забыла свою подставку на кухне, оставить ли. Не было ничего о деньгах. Половины его лица я на фотографии не увидела, только руку с водой, но смогла представить, что он стоит у самого окна и наклоняется, чтобы влезло. Я написала: «Оставь там, пригодится вам с дочкой». Он ответил, что на дне стоит мой номер, которым подписывала вещи еще на работе. Я сказала: «Сотри». Потом уточнила: «Если хочешь». Он долго ничего не писал. В эту паузу я успела послать хозяйке соседнего объявления один простой вопрос: у какого окна там стоит стол, если стол вообще есть. Оказалось, стола нет, а окно выходит на школьное поле. Мне назвали время, когда можно посмотреть, и попросили не нажимать на правую кнопку внизу. Я записала его в колонку «Въезд», под той строкой, где уже были мои деньги. Теперь там хоть одно время не зависело от прихода человека с прежним ключом.

Глава 29. Два места в первом ряду

У Владлена была странная привычка держать билеты лицом вниз. Он клал их перед собой, каждый отдельно, корешками ко мне и только тогда говорил, на что купил. Сюрприза не было, о сеансе мы уже говорили. В этот раз он не успел ничего сказать. Синий край выдал рисунок: большой экран во дворе, складные кресла и женщина, которая стоит у ручного проектора спиной к зрителям.

— В четверг? — спросила я.

— Мы говорили про четверг. Есть еще одно солидное место у двери, если хочется весь фильм попить воду.

Мне он однажды показал обложку старой ленты. Мне хотелось посмотреть, как женщина в чужой квартире берет пальто и понимает, что оно не ее. В этом рассказе он меня больше заинтересовал женщиной, чем техникой. Сама я успела взять короткую замену на первой линии до пяти, чтобы добрать денег к залогу и не потерять следующие лишние часы. Сеанс был к шести. На бумаге получалось достаточно. Только сегодня вместо короткого первого рейса к моему часу приписали прием последней машины. Если машину не приму, смену отдадут насовсем. Если приму, в зале не окажусь до конца первой части.

Я встала со стула. У окна высохшее дерево плохо держало крючок, я зацепила за него край сумки. Владлен помог снять. Не стал спрашивать, почему за два дня не выяснила полное расписание. У него был другой вопрос.

— Можно отдать одно место обратно?

— У кассы. Если до полудня.

До полудня оставалось девять минут. Он мог сходить туда быстро, но к концу улицы должна была подъехать машина за его собственной аппаратурой. Я уже собиралась ответить, что сама добегу и возьму деньги за одно. Потом вспомнила, что принесла свою очередь дел не затем, чтобы за девять минут сбегать туда и обратно. До моего обеда еще два часа. Ехать в другую комнату ему тоже пока незачем.

— Сдай место, если хочешь, — сказала я. — Я могу купить другой билет и пойти потом без тебя.

Он долго смотрел на линию отрыва.

— Потом среди недели будет другой фильм. А у тебя на выходных появится хоть какой-нибудь вечер?

Я уже видела, как из меня выходит целое расписание до конца месяца. Держала в кармане бирку от замка, перебирала края вместо ответа. Наконец сказала, что в пятницу могу только после своей записи, рано уходить не стану. Тогда он вынул телефон и посмотрел, во сколько ему вечером нужно созвониться с дочерью. В театре начиналось раньше. Мы оба могли оставить время, если решим не делать именно это: я не оставлю смену, он не станет потом пересказывать дочке восемь дней сразу.

— Давай я не пойду сегодня, — сказала я. — А ты, если хотел этот фильм, сходи.

— Я хотел с тобой. Но он редкий. Мне надо хотя бы решить, пойду ли один.

Я не стала за него решать. Он в конце концов набрал кассу. Забирать обратно можно было оба только вместе: места он купил одним заказом. Кассир сказала, хватит трех минут до полудня, если нажать «возврат всего». Купить одно после возврата он уже не сможет: есть ожидающие в списке. Владлен посмотрел на меня и сказал, что не будет возвращать. Он возьмет человека, которому интересно. Если такого человека не найдет, один стул останется свободным. Решил это сам. Из-за одной чужой смены плохо смотреть все, но и ни разу больше не смотреть может быть хуже.

Я пообещала вернуть половину цены, хотя в момент обещания мне захотелось, чтобы он отказался. Он сказал, хорошо. Я отдала после обеда, неровными купюрами; часть он потратил на автомат, который выдавал блестящую уродливую сдачу. Не купил мне за нее кофе. Сунул монеты в маленькую банку, а один железный рубль оставил снаружи. Я взяла его, потом вернула: у него кружок встал почти ровно.

Вечером он написал, что досталось место слева, второе занял человек, который пришел в зал без билета и ждал у кассы. Про женщину в чужом пальто написал только: «Она не такая, как я рассказывал». Я предложила не объяснять. После работы у меня заскрипела педаль, когда я попыталась тронуться с места. Я оставила машину и прогулялась до гаражей. Вернулась, открыла дверь и еще раз попробовала тронуться. Пока шла, я послала ему фотографию покрашенного пожарного шкафа, сделанного будто из мягкой ткани. Он ответил уже дома: «Вот на него пришел бы с тобой посреди фильма».

Я переспросила, свободен ли он на следующей неделе вечером хотя бы четверть часа для короткой прогулки. Он ответил, что во вторник перед работой его устроит даже ровно четверть. Мы оставили в телефоне не обещание обязательно снова куда-то успеть, а этот маленький промежуток. Второе место оставалось оплаченным и уже занятым не мной. Мне все еще было жаль фильма. Тут оказалось удобно не притворяться, будто теперь совсем не жаль.

Глава 30. На смену осталось два часа

Начальница могла отдать мне два часа в четверг, если я подменю ее на линии в обед. Ее сын с утра не мог забрать нижнюю полку, которую они накануне открутили от стола. Он работал в пекарне. Если она встретится с ним до часу, то поможет отнести старое дерево до машины и в два вернется. Она рассказала мне это так подробно, будто у меня в четверг отсутствовали собственные дела. У меня как раз было свое. Один человек из нашего библиотечного списка согласился прийти с работы только в обед и просил не ставить разговор в общую очередь.

— Я могу во вторник, — сказала я. — В четверг у меня занята середина дня.

— А потом вот так с каждым и будешь выбирать? Я тебе на вечер предлагала деньги.

Мне не хотелось объяснять, почему за половину библиотечной беседы платят меньше, чем за два часа у нас на линии. Я бы сама выбрала два часа, если бы можно было поговорить с человеком в другой день и не заводить из-за этого вторую таблицу времени. Начальница подумала, что я отказываюсь из-за ее сына, и следующую половину минуты объясняла, что ему негде хранить доски. Мы как будто обе держали в руках одно и то же записанное время. Два часа нельзя отнести в другую комнату, если никто не ждет там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.